

ПРОСТАРСКИЕ БАЙКЕРЫ

II

КАЗИМИР ДОБРОДЕЕВ

18+

Казимир Добродеев

Пролетарские байкеры. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Добродеев К.

Пролетарские байкеры. Книга 2 / К. Добродеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08588-6

Продолжение первой книги о Пролетарских байкерах. После неожиданной аварии в жизни Сергея наступает перелом. Бандиты, с которыми он столкнулся, вымогают крупную сумму денег и угрожают убить его родных. Дробилин попадает в больницу, мотоцикл разбит, и он вынужден расстаться со своей девушкой. Единственный выход, который удастся найти друзьям - добыть деньги преступным путём. Развязка книги страшна и непредсказуема. Заключительная книга о "пролетарских байкерах" наполнена кровью, перестрелками и экшеном.

ISBN 978-5-532-08588-6

© Добродеев К., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	38
ГЛАВА 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

ГЛАВА 1

Минувший вечер и тихая летняя ночь прошли для "Биты", как в тумане. Его будоражила жажда деятельности, а врачи запретили ему вставать без крайней нужды с кровати. У него гудела голова и к горлу периодически подкатывала тошнота. Кроме того постоянно беспокоила боль в лодыжке, которая за прошедшее с аварии время стала только сильнее.

Вечером, когда на Пролетарский уже сгустились сумерки, Антона посетили его родители. Мать, беспрестанно плакала, и не смогла сказать чего-то внятного. Только причитала все время, что он чуть не оставил их. А отец был необыкновенно молчалив, рассеян и как будто смущен чем-то. В глубине души он винил в случившемся себя. Он твёрдо верил, что будь Антон за рулём – этого бы с ним не случилось... А он его родной отец лишил его мотоцикла и тем самым вынудил сесть к этому, как он его называл, "камикадзе".

Они принесли Антону больничные тапки, а также эмалированную миску с кружкой и кое-что из еды. Еда пришлась весьма кстати, так как вновь поступивших больных начинают кормить лишь с утра, а Антон успел к вечеру неслабо проголодаться. Он налегал на картофельное пюре, принесенное в большом термосе, под монотонные всхлипывания матери и вздохи отца. Родители сидели по обе стороны от него на скрипучей панцирной кровати и с сочувствием смотрели то на его забинтованную лодыжку, то на его перевязанную голову, то на сосредоточенное голодное лицо с набитыми едой щеками. Затем он вкратце рассказал подробности аварии, и подчеркнул, что вины Сергея в ней не было.

– Ну как не было, как не было? – закипятился отец, горячо жестикулируя руками, – такой опасный участок, а он несётся! Я всегда сбавляю скорость там, чтобы водители на перекрестке успели увидеть меня и среагировать. Там обзор закрыт, не видно ничего... Постоянно бьются на этом месте. А начинающему водителю и остановиться не грех. Пусть ты формально не прав. Пусть сигналият, крутят пальцем у виска, но ты сохранишь своё транспортное средство и здоровье. А может даже и жизнь... А так твой друг вроде и прав остался, но далеко ли он теперь уедет на своей правоте? Мотоцикл-то восстановит ему виновник?

– Не знаю, вряд ли... – сухо ответил Антон, стараясь не упоминать виновников.

– Вот то-то и оно, что вряд ли... Сам пострадал и тебя подставил под удар. Он-то вон дома, а ты тут лежишь весь перевязанный...

– Ему сейчас тоже не сладко, батя. Он мотоцикл разбил...

– Да что мотоцикл! – в сердцах, махнул рукой отец, – Взять бы все ваши мотоциклы – и в утиль! Одни неприятности от них...

Успокоившись, отец бросил на больничную койку маленький блестящий ключик, от замка, которым был прикован "Иж" Антона, и, выходя вслед за матерью из палаты, как бы невзначай, оставил на его тумбочке свою распечатанную пачку сигарет. Антон несказанно этому обрадовался, от скуки и волнения он скурил почти все свои сигареты.

На улице уже было совсем темно, и сквозь распахнутую створку окна издалека через больничный сквер доносился гул машин и рокот мотоциклов. По засаленной стене больничной палаты в полумраке бегали рыжие тараканы размером с фасолину. Соседи по палате тихонько дремали, лишь Николаич, которого в пьяном угаре чуть было не зарезала жена, тихонько читал какую-то толстенную книгу, и время от времени всхлипывал. Антон от безделья и любопытства успел со всеми в палате познакомиться, и Николаич его особенно заинтересовал.

Это был тихий старик лет 60. Сухенький, с серой морщинистой кожей, седой бороденкой и глубокой залысиной. Он был в больнице уже почти неделю, и, по словам окружающих, жена в эти дни к нему ни разу так и не пришла. Единственный кто посетил его во все время – это следователь, который взял с него показания. Николаич был угрюм и рассеян. Постоянно о чём-то думал и морщил свой и без того сморщенный лоб. Он был молчалив и нелюдим.

Изредка читал толстую серую книжку, оставленную ему кем-то из выписавшихся соседей. В голубых потухших глазах Николаича выражалась постоянная тоска. Он поминутно всхлипывал и постанывал, и, казалось, будто он вот-вот заплачет. Николаич окончательно утратил веру в человечество после того, как получил 2 удара в спину старым столовыми тесаком от самого близкого на свете человека. От любимой жены Татьяны. Он толком не рассказывал об этом никому. Всё это стало известно окружающим из его показаний, которые он дал прямо в этой провонявшей лекарствами палате. Перепили изрядно, повздорили. О чем, он толком и сам не помнил, но ничего криминального он не сделал. Похвалил, кажется, кого-то из её подруг. А она, не раздумывая, схватила нож и попыталась лишить его жизни.

Другие обитатели ветхой больничной палаты отделения травматологии пролетарской больницы были не менее колоритными. Всего палата рассчитана была на 6 мест, по три койки с двух сторон, из которых 5 было занято. Палата располагалась на третьем этаже упомянутой больницы и выходила двумя большими окнами в больничный сквер. Сам сквер через окна было не разглядеть. Его закрывали кроны старых высоких лип. Они и создавали вид из окна, да ещё асфальтированная узкая дорога перед ними, по которой временами проезжала карета скорой помощи то в одну, то в другую сторону. Койка Антона располагалась у стены напротив окна, по левую сторону от входной двери, а по правую (прямо напротив него) лежал Николаич. На соседней с Антоном койке лежал Андрюха – строитель. Не унывающий и разговорчивый мужик лет 30, наивный и беззлобный. От него-то Антон и узнал истории всех своих соседей. Сам же он подрабатывал на стройке дачного домика и уронил себе на ногу бетонный блок. Врачи диагностировали у него перелом второй плюсневой кости со смещением, вставили в ногу спицы, наложили гипс, и он вот уже 2 дня лежит в палате на вытяжке. От скуки Андрюха постоянно травил анекдоты и весёлые байки из своей жизни, чем очень быстро расположил к себе Антона. Уже к вечеру Дробилин знал всю биографию своего соседа, начиная со школьной скамьи. Он знал всю подноготную его обучения в строительном техникуме, и все его амурные похождения, которые так и не довели его до Загса к 30 годам. Он знал кучу историй о том, как Андрюха кутил со своими друзьями и коллегами по стройке, и последовавшие за этими кутежами приключения. А так как "Бита" и сам мог рассказать немало историй, они быстро нашли с Андрюхой общий язык.

За Андрюхой, на самой дальней койке у окна лежал Алексей. Это был парнишка на год младше Дробилина, который совсем недавно окончил 9 класс. В больницу он попал после неудачного купания в лесном озере. Нырнув в него с тарзанки, он попал на отмель, ударился о дно и заработал трещину одного из позвонков. Ему повезло, он был в компании друзей, которые помогли ему выбраться из воды и доставили в больницу. Но в больнице его ожидали новые неприятности. Врачи сказали, что травма опасная, и если не соблюдать рекомендации, может привести к серьёзным последствиям вплоть до паралича. Алексею предстояло провести минимум 3 месяца в больнице под постоянным наблюдением в специальном корсете на жёсткой кровати. С этой целью с его панцирной койки был снят матрац, и заменен на толстую фанеру, от которой болело все тело. Каждый день, проведенный на ней, был сродни пытке, но вставать ему запретили врачи. Не смотря на то, что никакой скованности в движениях он не ощущал, ему не разрешали ходить даже в туалет. Поэтому нужду он справлял в стоящее под кроватью "судно", которое источало запах на всю палату. Дважды в день приходила санитарка, чтобы опустошить его. Алексей был сконфужен и подавлен своим положением. Он часто отворачивался к стене и плакал. Тихо. Стараясь не всхлипывать, чтобы никто не услышал. Ему очень хотелось скорее оказаться дома, и забыть эту палату со всеми её обитателями, будто кошмарный сон. Соседи, видя положение Алексея, старались подбодрить его. Но на парня это действовало угнетающе. Он наоборот устал быть у всех на виду, ему претило внимание окружающих, и он мечтал об уединении.

Про пятого обитателя, лежавшего на соседней с Николаичем койке, никто ничего не знал. Это был молодой парень в грязных джинсах и рваной майке, с гипсом на левой ноге. Он поступил уже после Антона, и ещё не успел выйти из наркоза. Его привезли на каталке 2 крепких санитаров из операционной, переложили на койку и ушли. Так и лежал он все это время, запрокинув немного загорелое лицо, приоткрыв рот и разметав длинные русые волосы по подушке.

Ночь навивала на Дробилина тоску и необъяснимую тревогу. Весь прошедший вечер он мог не о чем не думать и беззаботно болтал со своими новыми знакомыми, но оставшись наедине со своими мыслями, он всерьёз приуныл. Он снова и снова прокручивал в голове подробности пережитой аварии, о которой напоминали звуки двухтактных моторов, доносимые из раскрытого окна вместе с ночной прохладой. Снаружи в тёмном небе светила большая почти полная луна, которая приглушенным синим светом освещала всю больничную палату. Антон не спал всю ночь. Он лишь изредка проваливался в состояние полудремы, но не видел снов, и мысли продолжали роиться в его голове. Ему страшно не удобна была эта кровать, мешал падающий из окна свет, а также шаги медсестер за стеной. А ближе к рассвету из распахнутого окна полились трели соловья из больничного сквера, и Антон оставил попытки провалиться в сон. Он просто лежал, уставившись в потолок и слушал их благозвучные перебивы. Большой любитель поспать, способный уснуть в любой обстановке, даже в самой невероятной позе, сейчас Дробилин никак не мог этого сделать. Будто что-то перевернулось в его голове после удара об автомобиль. Ночь казалась бесконечной.

В это же самое время на другом конце посёлка ворочался и не мог уснуть ещё один человек. Обуреваемый вереницей мрачных пугающих мыслей лежал на своей постели Харламов. Тяжелый груз пережитого давил на него.

Вечером, с трудом доковыляв до дома на травмированных ногах, он имел неприятный разговор с родителями. Они уже были оповещены об аварии "Друппи", который принёс им ключи от гаража. На вопросы, кто он собственно такой, откуда у него ключи, и где их родной сын, у которого эти ключи находились, Храмцов во всех красках описал аварию, и как они ждали скорую, и как он отгонял в гараж то, что осталось от мотоцикла. В общем, родителям в мельчайших подробностях было известно о произошедшем, за исключением конфликта с виновниками аварии, о которых "Друппи" догадался тактично умолчать. Мать Сергея нарисовала себе в голове ужасающую картину покаленного и истекающего кровью сына и от того, чтобы немедленно ринуться к нему в больницу её удержала лишь боязнь разминуться с ним, и увещевания Храмцова в том, что их сын цел, и вскоре будет дома.

Когда же он, наконец, пришёл, она кинулась обнимать его вся в слезах и стала придирчиво разглядывать со всех сторон, нет ли на нем сильных увечий.

Отец, представляя в общих чертах картину аварии, встал на защиту сына. Но мать была неуклонна:

– Больше никаких мотоциклов, Сереж! Хватит! Я уже однажды пошла у вас на поводу, и жалею об этом. Видишь, чем все это заканчивается? Посмотри на себя.

Харламов нахмурил чёрные брови и небрежно осмотрел свои испачканные брюки и порванную рубашку.

– Ладно, хоть цел! Но первый тревожный звонок уже прозвенел, и второго, я ждать не буду. Ты сегодня у меня полжизни отнял своей аварией... Так что не проси больше денег ни на новый мотоцикл, ни на ремонт старого. Мне нужен живой сын! Подумай о будущем, наконец.

В общем, и без того расстроенный Сергей был окончательно раздавлен непониманием матери. В этом состоянии он пошёл звонить Дробилиным, чтобы сообщить о произошедшем и о том, что их сын в больнице. Юрий Сергеевич довольно сухо и натянуто разговаривал с "Сапером", чем ещё сильнее усугубил его состояние. Он не захотел выслушивать подробности, и заявил, что ему их расскажет сын. Разговор был недолгим. Дробилин-старший заявил, что

им с женой нужно спешить, иначе их могут не пустить в палату Антона, и поспешно повесил трубку. В это время за окном уже начинало смеркаться.

Потом Сергей поужинал и отправился в ванную отмывать с себя запекшуюся кровь и землю. Мыться пришлось стоя под душем, так как адская боль в коленях не позволяла согнуть их, чтобы сесть в ванную. Колени сильно распухли после аварии и постоянно напоминали о себе острой пульсирующей болью. Эта боль даже привычную процедуру по опорожнению кишечника превратила для Сергея в пытку.

После ванной Сергей отправился в свою комнату, и попросил сестру принести ему "йод". Света оторвалась от компьютера, с сочувствием посмотрела на Сергея своими голубыми глазенками и поспешила выполнить его просьбу. Разговоров с родителями Сергей старался впредь избегать, поэтому не стал обращаться к ним даже из-за такой мелочи. Непонимание, с которым он столкнулся, сильно ударило по его самолюбию, поэтому ни на помощь, ни на поддержку с их стороны он больше не рассчитывал. Выслушивать от них укоры и наставления ему не хотелось. Поэтому дальнейшие разговоры казались пустой тратой времени. А мотоцикл он решил восстановить сам, пока еще не зная, как именно. Мотоцикл в данный момент по большому счёту меньше всего занимал его мысли. Не беспокоила его и угроза двоих здоровяков из джипа, которой он решил не придавать большого значения, подумав, что это было высказано на эмоциях. Больше всего беспокоило в данный момент Сергея состояние Тараканова. От этого зависело все. Если Тараканов мёртв, то его уже обнаружил кто-нибудь и позвонил в милицию. Милиция первым делом начнёт проверять тех, с кем у "Трактора" был конфликт, а это значит, что неминуемо придут к Сергею. Как вести себя в этом случае? Сознаётся во всем, объяснить, что это был несчастный случай? Или сделать вид, что знать ничего не знает и вообще не видел Тараканова в этот день? Первый вариант был бы чистой правдой, но неминуемо привёл бы Харламова к суду, и, хоть максимально мягкому, быть может, даже условному, но приговору по уголовному делу. Это перечеркнёт ему перспективу поступления в нормальный ВУЗ и поставит крест на всех его планах, которые он наметил на ближайшие годы. Поэтому второй вариант ему больше нравился. Но для того, чтобы все прошло гладко, необходимо было обсудить его с "Битой". Милиционеры могли прийти и к нему, поэтому нужно было продумать и обговорить каждую мелочь, которую они могли спросить.

Света впорхнула в комнату в своих мягких тапочках с ватой и бутылкой йода в руках. Увидев его разбитые и опухшие колени, она испуганно округлила глаза. Сестра помогла обработать ему раны, вместе с ней они перевязали его колени бинтом. А затем в комнату тихо вошёл отец.

– Серёж, ты не обижайся на мать. Она далека от правил дорожного движения и не понимает, что ты не виноват. Она просто сильно переживала за тебя... Про мотоцикл она на эмоциях наговорила. Это пройдёт. Она остынет немного, и мы придумаем что-нибудь... Надо оценить все, посмотреть подлежит ли он восстановлению, и вообще, во сколько это встанет... Этот козёл, кстати, который не пропустил вас, что сказал вообще? От него может компенсация какая-то будет?

– Он уехал пап... Покинул место аварии, до приезда ГАИ.

– Эх и урод, – вздохнул раздосадованный отец, – Ты номер хоть запомнил его? Я всю рожу ему разобью, если он мне на дороге попадетсЯ...

– Нет, батя. Не запомнил... Не до того было, – солгал "Сапёр".

ГЛАВА 2

Ранним солнечным утром Сергей позавтракал и направился в больницу, проведать друга. Всю ночь его терзали мысли о Тараканове, и ему казалось, что в дверь вот-вот постучат из милиции. Он не спал, и думал лишь о том, чтобы скорее наступило утро.

Хромая на обе ноги он долго брёл по пыльным улочкам просыпающегося посёлка. Вокруг было мало людей. Их лица были приветливы и жизнерадостны. Лишь лицо Сергея было угрюмо и сосредоточенно. Сведя свои густые чёрные брови к переносице, он опустил взгляд себе под ноги и, широко размахивая руками, медленно шёл, не сгибая коленей. Со стороны своей походкой он напоминал лыжника, который катится на всех парах, отталкиваясь палками от заснеженных сугробов.

В таком сосредоточенном состоянии Сергей нырнул под железную арку ворот, с изображением змеи, обвинившей рюмку, и надписью "пролетарская клиническая больница" и проследовал по узкой тропинке укрытой от солнца тенью высоких деревьев. Мимо вальяжно прогуливались ленивые, откормленные коты и немногочисленные пациенты, с которыми из-за хромоты, легко было спутать и самого Сергея. Сквер окутывал благоухающий запах цветущих лип и мертвецкая тишина, которую лишь однажды нарушил оглушительный вой сирены от пронесшегося мимо микроавтобуса скорой помощи.

Поднявшись по ступеням на широкое крыльцо, Харламов вскоре оказался в обшарпанном сером здании пролетарской больницы. Больница имела поистине унылый вид. Она представляла собой коробку из серого силикатного кирпича с чёрными брызгами расплавленного гудрона на фасаде. Кирпич кое-где начал разрушаться от влажности и перепада температур, и имел неровную структуру. Немытые мутные окна с облупившейся краской на рамах смотрели на сквер чёрными проёмами с распахнутыми покосившимися створками. Посетителей больница встречала крыльцом под широким бетонным навесом со сколотыми ступенями, на оголившуюся арматуру которых у перил были наспех приварены 2 ржавых швеллера для того, чтобы по ним в больницу могли попасть люди на инвалидных колясках.

В вестибюле, имевшем вид широкого зала со скамейками вдоль окон, сидя на стуле, тихо дремала пожилая вахтерша с раскрытой на коленях книгой. Откинувшись на спинку и широко вытянув вперёд ноги в бархатных бордовых тапочках и шерстяных гамашах коричневого цвета, она громко храпела, повесив голову на плечо. На кончике носа висели старые совдеповские очки. Из-под её вязанного малинового шерстяного берета на сморщенное бледное лицо выбилась прядь седых волос. Никто не беспокоил её сон. Мимо неё проходили люди в обе стороны, не обращая никакого внимания на престарелого блюстителя порядка.

Сергей пересёк вестибюль по мозаичному полу из мраморной крошки, изображавшей большой красный крест на белом фоне. Он прошёл мимо спящей старушки на лестницу и направился на третий этаж.

Войдя в палату "Биты", Харламов обнаружил в ней всех его соседей. Алёша в серой майке и спортивных штанах темно-синего цвета, как обычно лежал на своей кровати в углу, повернувшись лицом к стене. На его тумбочке стояла тарелка с недоеденной овсяной кашей. В другом углу, уткнувшись в книгу с серым переплетом, лежал Николаич. Услышав шаги, он высунул из-за книги свою лысую седую макушку и, увидев Сергея, громко всхлипнул, а затем вновь спрятался за раскрытой книгой. Новый пациент на соседней с ним койке, не обращая внимания на вошедшего Харламова, оживлённо рассказывал Андрюхе историю своего попадания в больницу. На его кровати стояла металлическая конструкция, к которой была подвешена левая загипсованная нога. Парня звали Димой, и он был студентом Медицинского института. Приехал в Пролетарский на каникулы, а вчера отмечал сдачу сессии. Возвращаясь домой, он упал с лестницы и получил двойной перелом. Свой рассказ Дмитрий снабжал живописными

подробностями и отборным матом. Андрюха, лежавший напротив своего собеседника в точно таком же положении, внимательно слушал его и зычно смеялся на всю палату. Кровать "Биты" была пуста, и в палате его не было.

Сергей молча огляделся вокруг, откашлялся, и негромко спросил:

– А Дробилин случайно не в этой палате лежит?

Андрюха повернул своё смуглое лицо в сторону "Сапёра" и, отсмеявшись, ответил:

– Антон что ли? Да, здесь. Вот его кровать...

– А где он сам? – растерянно спросил Сергей.

– Час назад ушёл на перевязку. Потом его искали какие-то парни, и, похоже, нашли.

Потому что вскоре он заскочил в палату какой-то озадаченный и бледный. Ни слова не говоря схватил пачку сигарет с тумбочки и куда-то вышел... Курит, наверное.

"Похоже, из милиции" – с тоской подумал "Сапёр", – "Опередили меня... Что же теперь будет?" Он на прощание что-то не внятное сказал обитателям палаты и задумчиво вышел в больничный коридор. Он побрёл в сторону туалета, уставившись в пол и размышляя о своём положении. Пол был устлан линолеумом, когда-то украшенным узорами, очертания которых от времени почти вытерлись. Линолеум был грязно-коричневого цвета, а в центре, где больше всего ходили люди, он был протерт до серых пятен и дыр, сквозь которые виднелся слой предыдущего линолеума. Стены были покрашены краской бежевого цвета, кое-где облупившейся, кое-где зашпатлёванной и подкрашенной краской более-тёмного оттенка. Внизу у самого пола на стенах были многочисленные чёрные полосы оставленные подошвами ботинок. По обе стороны коридора сменяло друг друга бесконечное множество дверей в палаты и процедурные кабинеты. Все палаты были почти заполнены, в каждой оставалось свободными не более двух коек, несмотря на летний период, в который пациентов бывает традиционно мало. Зимой же, особенно после нового года, здесь яблоку негде было упасть и некоторых пациентов приходилось размещать прямо в коридоре. Навстречу "Саперу" попало несколько женщин из числа медперсонала. Они сновали по коридору в белых халатах и шапочках. Кто с капельницей, кто со шприцом. Вид у них был озадаченный и серьёзный. На Сергея не обращали внимания, будто его и не было в этой больнице.

Когда, наконец, Харламов доковылял до конца коридора и распахнул дверь в туалет, ему в нос ударил резкий запах табачного дыма и человеческих испражнений. В туалете стояла плотная пелена сизого дыма, которая не улетучивалась, несмотря на распахнутое окно. Вдоль правой стены громоздились три туалетных кабинки. Их белые двери, грубыми разводами покрашенные алкидной эмалью, украшали чёрные точки от окурков, которые тушили пациенты. За кабинками на кафельном полу у окна стояла большая белая эмалированная кастрюля, доверху наполненная окурками. На кастрюле от руки грубыми мазками красной краски было написано "гарнир". Туалет был пуст.

Сергей на всякий случай, открыл и заглянул во все кабинки, но ничего там не обнаружил, кроме загаженных напольных унитазов, гнилых чугунных труб канализации и исписанных похабщиной стенок. Дробилина в туалете не было. Теряясь в догадках, где он мог находиться, Сергей подошёл к распахнутому окну, чтобы вдохнуть глоток свежего воздуха. Из него сверху он увидел в дальнем углу больничного сквера гнилую крышу неприметной старой беседки, затерявшейся в густых зарослях крапивы. Ему в голову пришла мысль, что Дробилин мог укрыться в ней от посторонних глаз, чтобы покурить.

Сергей не ошибся. "Бита" был там, в забытой всеми деревянной беседке, скрытой от прохожих зеленью больничного сквера. Он сидел с ногами на корточках на почерневшей от сырости и времени скамейке и курил уже не первую сигарету. Под ним на земляном полу выделялись свежие плевки и дотлевающий окурочек, вслед за которым он задымил новую сигарету.

Сергей, пробравшись к беседке меж высоких стеблей крапивы по узенькой едва заметной тропинке, потирал обожженные руки и с изумлением смотрел на своего приятеля. В нем как

будто переменялось что-то. Появились следы мыслительной работы на лице и какая-то озабоченность. Но что более всего удивило Харламова: Антон, как будто вовсе и не обрадовался его приходу. Он лишь сделал глубокую затяжку табачным дымом, поднял на него свой отрешенный задумчивый взгляд и замер в вопросительном ожидании.

– Фух, я еле нашёл тебя. Ты чего это тут спрятался от всех, как Дмитрий Карамазов?

– Курнуть решил, – с тоской обрывисто ответил Антон и пожал протянутую Сергеем руку. Харламов побрезговал садиться на сырую доску старой скамьи, опасаясь испачкать свои черные наутюженные брюки, и беседовал с другом, стоя напротив него. Он решил не высказывать сразу своего предположения по поводу визита милиционеров, так как боялся ошибиться. Но непривычно задумчивый вид друга все больше укреплял его подозрения. Сергей решил зайти издали:

– Как думаешь, Антоха, тело Тараканова нашли уже?

Угрюмое лицо Дробилина выразило изумление. Он горько хмыкнул и с сарказмом ответил:

– Тело Тараканова по-моему никто и не терял... Я его тело сам видел сегодня. Оно сидело в очереди на перевязку прямо передо мной. И хотя выглядело оно довольно хреново, но все-таки не настолько, как тебе казалось...

– Постой-ка, так он жив и здоров? – воспрянув духом, переспросил изумленный "Сапёр".

– Ну, здоровым его назвать сложно. У него сплошное месиво на лице, и повязку из бинтов придётся каждый день менять. Хоть он и воротил свою морду от меня, я ж не слепой, разглядел. Ну а в том, что он живой, сомнений нет. Могу хоть на библии поклясться.

– Так ведь это потрясающе! Я ж всю ночь переживал... Я не спал, Антон. Ты не представляешь, как важно то, что ты сказал мне сейчас. Это спасение всей моей жизни...

– погоди радоваться... – с тоской перебил "Бита" повеселевшего было друга, – Я видел сегодня ещё кое-кого... И эта встреча тебе понравится куда меньше... Впрочем, как не понравилась она и мне... Когда я вышел из перевязочной, в коридоре меня поджидали двое вчерашних бугаёв с черного джипа... И я узнал их, "Сапёр". Это Аслан Гасанов и Рустам Мамедов.

– Кто они такие, чёрт возьми? И кто их в больницу пустил... – всплеснув руками, возмутился Харламов.

– Они бандиты, "Сапёр". Их клички – "Гасан" и "Пластин". Слышал про таких? Они из кавказской группировки, которая всё тут подмяла под себя... Им каждый местный торгаш и коммерс отстёгивает дань, а они потом часть этих бабок отправляют боевикам в Чечню. Рынок принадлежит им, Кемпинг – тоже. Завод Агрегатов тоже они отжали в 94-м, он и развалился вскоре после этого. Бывшего директора тогда обнаружили в собственной квартире с двумя дырками в голове. Убийц так и не нашли, но выгодна его смерть была только этим ребятам. Его заместитель, вступив в должность, все им отписал...

Менты из их группировки за все время не посадили ни одного бандита! Они только трупы за ними в морг отправляют... А человека для них замочить – всё равно, что высморкаться. "Гасан" и "Пластин" – штатные киллеры этой бригады, а что до того, как они попали в больницу... Так кто ж их остановит? Спящая бабка на первом этаже, или тетки в белых халатах, которые увидев, как они меня за шиворот трясли, трусливо отворачивали морду и забегали в первую попавшуюся дверь... К тому же у "пластины" с собой был пегаль, а в наше время это пропуск в любую контору...

– Так чего же им надо было? И как они тебя нашли?

– Бабла... Бабла, Серёга им надо. Они базарили, что в автосервисе ремонт тачки им оценили в десять косарей зелёных. И мы теперь им эти бабки должны. Ты и я. Сказали, если не отдадим – завалят. Меня и тебя, и всех наших близких. "Гасан" сказал, с долгом не тянуть. Посоветовал уже сейчас выставить барахло на продажу. Через неделю, 20 июня они будут ждать нас в заброшенном песчаном карьере в 18:00. "Гасан" сказал их время дорого стоит, и

если опоздаем – за каждую просроченную минуту он накинёт нам ещё сотню баксов. Если не придём – завалят. Обратимся к ментам – завалят.

Что до того, как они меня нашли... Я тоже удивился, ведь они даже имён наших не знали. Ты и я ведь не настолько знамениты как они... Я думаю, что менты им слили инфу о нас, больше не кому. Рыжий мусор все наши данные на месте ДТП записал...

– Ты думаешь, менты заодно с ними работают?

– Не знаю, может заодно, а может за «лаве» сливают им инфу. Но идти к «мусорам» точно не стоит. Это верное самоубийство.

– А про родственников, как думаешь, серьёзно они? Ну ладно ещё нам предъявили, а они-то вообще не при чем.

– Сегодня они не похожи были на людей, которые любят пошутить... – вздохнув, ответил Дробилин, – К тому же, Серёга, они же – дикари. У них на Кавказе кровная месть до сих пор существует. Так что невинных людей мочить – обычное дело для них...

– Они и Алёнку мою могут убить за кампанию... – тихим подавленным голосом протянул Сергей.

– Да не то что могут, с неё и начнут! – воскликнул "Бита", – А могут ещё и изнасиловать...

Сергей в ответ лишь поднял голову и посмотрел на друга округлившимися и полными ужаса глазами, а Дробилин добавил:

– Ты что, боевиков не смотрел? "Кикбоксер", "Каратель", "Брат", "Разборка в маленьком Токио"? Это обычное дело для бандитов...

– Что же нам делать? Откуда взять такие деньги? – взволнованно, с дрожью в голосе переспросил Харламов.

– Эх, Серёга. Если б я знал... Я уже битый час об этом думаю, но не нахожу ответа. Мне кажется с "Пауком" надо «словиться» и перетереть... Он с разными перекупщиками трется, может кто-то знает этих двоих и попросит за нас...

– А это хорошая мысль, Антон. Пашка действительно мог бы помочь. Они вроде сегодня вечером планировали у него в гараже на счёт "Шестёрки" "Шмеля" собраться. Не помню только во сколько... Я мог бы сходить туда.

– В шесть вечера, – подсказал Антон и швырнул дымящийся окурок под лавку, – Я тоже приду.

– Но как? Ты же тут...

– Я что-нибудь придумаю. А сейчас пора, нам должны обед привезти... – ответил Антон, слезая со скамейки.

– Ты извини, Антон, что втянул тебя в эту историю, и близких твоих под угрозу поставил...

– Да ладно, мы ж друзья. Такая уж доля у нас: одно говно двумя ложками хлебать... – ухмыльнулся Дробилин, – Ты бы в церковь ходил, исповедался. Или пусть тебя хотя бы водой святой побрызгают. Столько всего происходит с тобой, будто проклинали или сглаз какой-то наслали...

Харламов, ничего не ответил, а лишь крепко обнял его, и парни пошли каждый в свою сторону: "Бита" – в палату обедать, а "Сапёр" в сторону больничных ворот.

Он выходил из сквера ещё более подавленным, чем вошёл в него. Страх быть убитым оказался сильнее страха сесть в тюрьму. Но больше всего Сергей боялся не за себя. Его до дрожи пугала перспектива потерять мать, отца и маленькую сестру. И не менее ужасной представлялась гибель Алёнки. Он рисовал в голове страшные картины расправы над своими близкими. И от этого у него все холодело внутри. Он внезапно почувствовал себя маленьким, слабым и беспомощным. Не было никакой возможности спасти своих родных, отречься от них и прикинуться сиротой... Но была возможность отказаться от Алёнки, ради её спасения. Ведь

можно было порвать с ней, и тем самым обезопасить её. Ну в самом деле, разве станут убивать бандиты его бывшую девушку, для того только, чтобы насолить ему...

Эта мысль внезапно пришла в голову Харламова, и поразила его словно электрический ток. В душе Сергея происходила тяжёлая борьба. Он очень много сил положил, чтобы добиться Алёнки, и не просто было ему от неё отказаться. Даже ради её спасения. И как это сделать? Рассказать ей правду? Или не объяснять ничего и прикинуться подлецом? А что если Павел сможет помочь им и все разрешится? Все эти мысли внезапно вереницей пронеслись в его голове, и он судорожно пытался привести их в порядок и прийти к какому-то решению. Все нужно было, как следует обдумать, но медлить было нельзя. Каждая минута промедления повышала риск для его девушки, и Сергей решил не тянуть с этим. Он твёрдо решил с Лагуткиной поговорить сегодня же, а лучше прямо сейчас.

Он бесцельно брёл по тенистой аллее, даже не задумываясь, куда. Им настолько овладели тяжёлые мысли, что он на какое-то время потерял связь с реальностью. Он долго шагал на своих перебитых ногах, не замечая где он, и сколько прошло времени. Вернуться к реальности его заставил звуковой сигнал автомобиля, который чуть не сбил его на перекрестке. Это был старый оранжевый "Москвич-412", который с лязгом остановился прямо перед его носом в момент, когда он внезапно ступил на проезжую часть.

– Ты что, больной? Или наркоман? Жить надоело? – громогласным басом орал на него рассвирепевший пожилой водитель через опущенное стекло.

Сергей осмотрелся, и обнаружил себя на перекрестке, недалеко от дома, в котором жил "Бита". Седой, сморщенный водитель в белой хлопчатой фуражке злобно сверлил его глазами, ожидая, когда он освободит проезд. В кармане брюк у Харламова звенели ключи от гаража, и он, нащупав их, решил прогуляться до него, и осмотреть мотоцикл.

ГЛАВА 3

Звонко щелкнул старый дедовский замок, и массивные стальные петли лязгнули, распахнув калитку в маленький гараж. Харламов, наклонив голову, вошёл внутрь, и его взору предстала удручающая картина. Яркий дневной свет освещал весь гараж, и все в нем было на тех же местах, что и вчера, когда Сергей уезжал в Куликово.

Его мотоцикл, перенёсший мощный удар, валялся посреди гаража на боку, так же, как вчера на асфальте. Видимо у «Друппи» не хватило сил установить его на центральную подставку. Сергей склонился над ним, не сгибая ног, и лишь сейчас смог оценить масштабы повреждений. Они просто ошеломили его. Он понял, что мотоцикл его до Куликово не довезет. И даже не заведётся, учитывая, что мотор был расколот. У Харламова возникли огромные сомнения в том, что его вообще реально восстановить.

Тем не менее, он ухватился рукой с разбитыми костяшками за согнутый руль, и, превозмогая боль в коленях, поднял свой мотоцикл на колёса. При этом на пол с металлическим звяканьем посыпались болты и мелкие обломки от мотоцикла. На месте, где он пролежал всю ночь образовалась небольшая лужица из остатков масла, вытекшего из расколотого движка. Сергей с трудом водрузил свой "Юпитер" на центральную подставку, после чего скорчился и ухватился за разболевшиеся от напряжения колени. Затем он прошёлся вокруг своего покореженного двухколёсного друга, и критически осмотрел его со всех сторон. Он провёл правой рукой по холодному зелёному бензобаку, прошёлся вперёд и нежно прислонил два израненных пальца к деревянному кресту на переднем торце разбитой приборной панели. Он закрыл глаза и представил лицо Алёнки, подарившей его. Резной деревянный крест и сейчас, казалось, хранил тепло её ласковых рук.

"Ехать, и ехать немедленно!" – сказал Харламову внутренний голос, и он обратил свой взор в самый тёмный и неприметный угол гаража, туда, где валялся давно позабытый им мотороллер. В нем остался бензин, и он без труда завелся с первым поворотом ключа. Но что-то внутри Сергея протестовало против этой поездки. Конечно, в нем сильно было внутреннее нежелание расставаться с любимой девушкой, но ещё сильнее был страх. Это стало неожиданным фактором для Харламова, который уже уверенно чувствовал себя за рулём мотоциклов, но стоило ему доехать до начала асфальта, как вдруг его охватила внутренняя паника. Он ощутил нехватку воздуха и дрожь в коленях. За каждым поворотом ему мерещился несущийся джип, и он останавливал свой мотороллер и озирался по сторонам.

Он ехал медленно, через поле, опасаясь попасть в руки гаишников, или в очередную аварию. Куликово неумолимо приближалось, и близился судьбоносный разговор, который вызывал в сердце Сергея тоску и уныние. Он про себя репетировал, что скажет Аленке. Об аварии и бандитах решил не говорить ей. Иначе она неизбежно стала бы отговаривать его, и он, конечно же, пошёл бы у неё на поводу. К тому же лишняя огласка была совершенно ни к чему. Ведь слухи быстро разлетаются в маленьких поселках и деревнях, и эта история может дойти до родителей. А родителям Харламов решил не говорить о конфликте с бандитами и попытаться уладить проблему сам.

Мотороллер тихонько подкатил к знакомому синему забору. Его мерное тарыхтение затихло. Сергей, вытащив ключ из зажигания, слез с седла и поставил его на боковую подставку. Он все делал без спешки, как приговоренный к смертной казни, пытавшийся отсрочить свой конец. Сердце громко билось, и, казалось, вот-вот выпрыгнет. Он всю дорогу подбирал слова, но приехав к дому Лагуткиной, позабыл всю свою речь, и не знал с чего начать этот непростой разговор. Им овладело тяжёлое предчувствие страшных событий надвигавшихся на него. Событий, началом которых стала та роковая авария.

Знакомый дом, празднично украшенный резными ставнями, стоял на своём привычном месте. Старая сгорбленная берёза подметала ветвями траву в палисаднике. У двора было тихо и безлюдно. В воздухе пахло коровьим навозом, а откуда-то из дворов доносилось гелготание гусей. Тихий деревенский день неторопливо тек своим привычным ходом. Харламов вдохнул побольше воздуха, и, набравшись решимости, шагнул во двор через деревянную калитку. Поднявшись на крыльцо, он постучал в дверь, и вскоре она распахнулась, и за ней показалась знакомая и милая сердцу Алёнка.

Она была весела и неотразима сегодня. Улыбка украшала её красивое лицо с сбившимися черными цыганскими волосами. Розовый румянец горел на щеках, словно осенние грозди рябин. А из-под пышных, закрученных ресниц игриво смотрели любящие голубые глаза. Алёнка была чем-то возбуждена и невероятно подвижна. Она словно горная лань выскочила на крыльцо в своих мягких домашних тапочках, настолько стремительно, что поток встречного воздуха разметал в стороны полы её жёлтого ситцевого халата.

– Меня сегодня выпустят! – с улыбкой игриво произнесла она своим мягким голосом и радостно кинулась к Харламову чтобы обнять его. Но он сухо остановил её, схватив руками за плечи.

– Что-то не так? – недоумевала Алёнка, – Что с твоей рукой?

– Так, пустяки... Тут другое. Я о другом хотел тебе сказать, Алёнка. Нам с тобой дальше нельзя быть вместе...

– Ты бросаешь меня? – с искаженным от ужаса и неожиданности лицом всплеснула руками Лагуткина.

– Я не могу тебя бросить... Но нам дальше нельзя так. Я притягиваю несчастья, словно магнит. У меня сейчас большие неприятности, и я не хочу, чтоб они коснулись тебя. "Бита" говорит, что я, наверное, проклят. Я погублю тебя, понимаешь? Хотя, что ты можешь понимать? Ты ж ничего не знаешь... В общем, для твоего же блага, ты должна бросить меня...

– Да расскажи ты толком, что у тебя произошло? Какие ещё неприятности? Мы вместе все преодолеем, Сергей! – с мольбой протянула Алёнка, глядя на него блестящими и полными слез глазами.

– И не проси. Я в это не хочу тебя впутывать. Если я решу свои проблемы, быть может, расскажу тебе о них потом. А если у меня не выйдет, то скоро ты сама обо всем узнаешь...

– Да что я узнаю-то? – разрыдавшись, и не в силах больше сдерживаться вскрикнула Алена, – Что за загадки? Я вижу только одну причину всему этому. Другая девушка! Меня не было с тобой один вечер, и ты уже спутался с кем-то. А теперь тебе и самому стыдно признаться в этом... Катись ты к чёрту! – со злобой воскликнула она, заскочила в сени и резко захлопнула дверь у Харламова перед носом с такой силой, что сквозняком закинуло назад все волосы на его голове. Звук хлопнувшей двери оглушил и эхом раздавался в его голове. Он не успел ни слова сказать Алёнке в своё оправдание, хотя в ту минуту готов был уже все рассказать ей. Её слезы, как огнем обожгли ему сердце. Но её понесло, словно каток с горы, и она уже не смогла остановиться. В эту минуту она рыдала, лёжа на кровати и уткнувшись лицом в подушку, корила себя за свою вспыльчивость, а он, покачиваясь, будто пьяный, и уставившись в одну точку, шагал к калитке. В груди болело и тряслось, будто внутри него разорвалась одна из тех бомбочек, которые он так любил мастерить. По лицу периодически пробегала спазма. Он сел на свой старый мотороллер, завёл его, и, смахнув рукавом белой рубашки набежавшую слезу, вывернул гашетку газа до громкого и дикого рёва. Мотороллер, выбрасывая дерн и землю задним колесом, рванул вперёд, стремительно оставляя позади дом, в котором осталась его первая настоящая любовь. В одном из окон дома отдернулась занавеска, и показалось её заплаканное грустное лицо с поплывшей по щекам тушью. Ей вдруг непреодолимо захотелось ещё разок увидеть его, посмотреть ему в след на прощание.

Сергей же без оглядки летел вперёд по дороге. Он уже не испытывал страха попасть в аварию. У него пылало нутро, и он гнал на полную катушку свой мотороллер. Вдоль дороги на обочине мелькали фонарные столбы, и Харламов поймал себя на мысли, что это и есть выход из всех его проблем. Влететь в один из них на полном ходу и разом все кончить. Но вспомнилась сестра и родители. Его смерть сейчас означала бы неминуемую гибель и для них. И это было бы подлостью с его стороны. За свою жизнь в данный момент «Сапёр» не дал бы и ломаного гроша, но ради спасения своих родных он должен был жить. Жить и сделать все, чтобы избежать самого страшного исхода. Даже ценой собственной жизни, если потребуется такая цена.

В гараже Укрытцева было душно. Стоял запах дорожной пыли и бензина. Пыль тонким слоем покрывала в гараже каждый предмет, придавая ему сероватый оттенок. Она была мелкая и просачивалась в помещение через микроскопические щели, поэтому избавиться от неё не было никакой возможности. Лишь только вытрешь её с поверхности, как через несколько минут на ней вновь появляется тончайший серый налёт. Она клубилась в прямых лучах солнца, падающих в гараж сквозь распахнутую калитку, и её частички сверкали в них словно иней в морозном воздухе. Пыль резала глаза и щекотала нос. Её привкус постоянно ощущался на языке.

В гараже звучал медленный печальный рок. Его негромко играл магнитофон, в который сверху была воткнута большая отвёртка с чёрной рукоятью. Клавиша воспроизведения в последнее время стала барахлить и отщелкиваться, поэтому Павел зафиксировал её остриём плоской отвёртки, загнав его в зазор между кнопками.

К гаражу друг за другом подъезжали мотоциклы тех, кого "Паук" решил собрать этим вечером. Они выстраивались в ряд перед воротами Укрытцева, а их наездники глушили моторы и заходили внутрь. Сергей весь день после встречи с Лагуткиной провёл, как в забытьи. Он был задумчив и раздражителен. Его мучали постоянные сомнения: правильно ли он поступил, разорвав с Аленой. Временами ему хотелось все отыграть назад, и избежать того неприятного разговора, но это было, увы, невозможно. Он настолько углубился в свои неприятные мысли, что вечерняя встреча совсем вылетела у него из головы, и он вспомнил о ней в последний момент. К гаражу Укрытцева "Сапер" прикатил последним. Его мотороллер неспешно проехал стройные ряды припаркованных мотоциклов и занял свое место в самом конце, рядом с запорожцем "Пельменя".

Он вошел в гараж, когда беседа о восстановлении "шмелёвской" шестерки была уже в самом разгаре. Попытавшись перешагнуть высокий порог, не сгибая коленей, он споткнулся и едва не упал. Услышав шум, все сидевшие вокруг "Паука" парни, прервали свою беседу и повернули лица к Харламову, а Павел соскочил с мотоцикла и метнулся к воротам, чтобы помочь ему войти. Сергей же ухватился рукой за стальной уголок, обрамлявший вход, тем самым избежав падения, и вошел внутрь без посторонней помощи. Он протянул руку Павлу, подскочившему на помощь. Тот пожал её, с сочувствием проникновенно глядя в усталые не выспавшиеся глаза "Сапера".

Вид его внушал жалость не только "Пауку", он поразил всех собравшихся. Бессонные ночи последней недели и переживания, которые Сергей испытал в минувшие сутки, изменили его до неузнаваемости. Он осунулся и побледнел. Красные глаза его смотрели на окружающих отрешенно и бессмысленно. На его лице, которое прежде всегда было живым и отражало постоянный мыслительный процесс, было теперь лишь выражение безразличия ко всему. Дополняла картину сильная хромота, которая издали бросалась в глаза.

Ошеломленный болезненным видом своего друга, Укрытцев, как остоленевший замер на месте и молча провожал взглядом Сергея, когда он медленно прошел к толпе, и стал здороваться с остальными.

«Мамонт» привстал с перевернутого ведра, на котором сидел, учтиво наклонил голову и слегка сжал руку Харламова, хотя обычно делал это до характерного хруста. «Друппи», сидевший в самом дальнем и темном углу в черной мотоциклетной люльке, не дожидаясь своей очереди, сам вскочил с места и подбежал к "Саперу" поздороваться. Он обхватил своей маленькой детской ручонкой с отстриженными до мяса ногтями горячую ладонь Сергея и заискивающе взглянул на него. Но увидев глаза Харламова, Храмцов немного отпрянул назад. Что-то испугало его в лице "Сапера". Оно было настолько бледным, что напомнило ему лицо покойника. "Друппи" увидел обреченность в белом неживом лице Сергея. Какой-то Злой рок отразился в нем, будто сама смерть прикоснулась к его образу и оставила на нём свой отпечаток. Испуганный рыжий паренек, поздоровавшись, поспешил вернуться в свой угол и во весь оставшийся вечер старался больше на Сергея не смотреть.

Следом за ним "Сапера" поприветствовал "Шмель". Он привстал с собранной наспех из всякого хлама скамейки всем своим тучным телом, протянул пухлую ладонь с короткими пальцами, похожими на сосиски и сел обратно, особо Сергея не разглядывая. Вид он и сам имел не важный. Он был угрюм и напряжён. И видимо собственные проблемы тяготили его в тот момент больше, чем проблемы остальных.

Далее посыпались приветствия сидевших на противоположной стороне от мотоцикла ребят. Первым его поприветствовал «Пельмень», который с сочувствием осмотрел "Сапера" с ног до головы перед рукопожатием... Из-за мотоцикла блеснула его голова, и удивительно холодная рука с силой сжала кисть Харламова. Затем его поприветствовал "Филин". Он буднично хлопнул своей ладонью о ладонь Сергея и повернул лицо к "Пауку". Видимо Харламов своим приходом оборвал разговор на чем-то интересном и "Филину" не терпелось дослушать его и сказать что-то важное от себя.

Бок о бок с ним сидел "Бита". Он был одет в больничную одежду, в которой Сергей видел его утром, и обут в домашние тапочки. Он пришел к "Пауку" пешком, покинув больничную палату. Сергею он в знак приветствия быстро махнул правой рукой, и с улыбкой сказал: "Здоровались утром..."

– Ты из больницы ушёл? – изумился Харламов.

Дробилин лишь довольно кивнул в ответ.

– А тебя не хватятся?

– Нет, вечерний обход уже был, а бабке вахтёрше – до фонаря. Мимо нее все ходят туда-сюда. Она то спит, то вяжет носки, то читает книжку про "Чапаева", – ответил Антон, помогая другу усесться рядом.

– Так на чём я остановился? – усаживаясь верхом на мягкое кожаное сидение своего мотоцикла, уточнил Павел.

– На автосервисе, – напомнил "Филин" ни на секунду не спускавший с Павла своих ввалившихся глаз.

– А, точно! Автосервис... У "Пельменя", есть друг в автосервисе, который красил "Сапёру" мотоцикл. Ты не разговаривал с ним, Санёк?

Пельмень задумчиво почесал затылок и привстал с места. Глаза его бегали, переводя взгляд то на Укрытцева, то на «Шмеля».

– Газоваривал... Он готов помочь. Может сделать все аккуратнo и в сжатые сроки. Батя твой не заметит ничего. За работу свою возьмет символически... Можно уболтать его вообще за бесплатно. Потом сочтемся с ним как-нибудь. Но есть одна загвоздка...

– Какая? – заерзал в нетерпении "Шмель".

– Я описал ему состояние твоей "Шахи" и он сказал, что нужны запчасти. Кгилья, капот, фагы, гешетка и бампег – это по-любому. Помимо этого возможно гадиагoг и что-то ещё. Запчасти стоят денег и бесплатно он их достать не сможет...

«Шмель» сморщился и, склонив голову, потер лоб правой ладонью. Он был нервнен, и весь вечер теребил в руках одноразовую зажигалку, ерзал на скамейке и облизывал высохшие запыленные губы.

– В том-то и беда Санек, что у меня их нет. Денег-то. Может ещё какой-то выход есть?

"Пельмень" опустил глаза и пожал плечами.

– У тебя, "Паук" барыги вроде знакомые есть, которые перекупкой запчастей занимаются. Может они смогут продать все необходимое? По дешевке, и, возможно, в рассрочку.

– Должен тебя огорчить, "Шмель", – вздохнул Укрытцев, – но мои барыги специализируются чисто по мотоциклам. Вот если б ты мотоцикл разбил, то – без проблем. Да я бы тебе сам любую зап. часть нашел. А по машинам работают люди более высокого полета... И у меня таких знакомых нет.

– Плохо, плохо, – пробормотал Никифоров и облизал высохшие губы, – А сколько денег нужно примерно?

– По самым скгомым оценкам, не меньше 8 – 10 тысяч. А то и больше... Точно можно будет сказать после того, как тачку пгигонишь посмотеть... – ответил "Пельмень".

– Плохо, плохо... – повторил "Шмель", раскачивая от волнения своё тучное тело вперёд – назад, – Столько мне не найти в такой короткий срок... Даже если мотоцикл продам, не хватит. Неужели никакого выхода нет? Хоть в петлю лезь! – с отчаянием протянул он и закрыл лицо ладонями.

– Нам бы твои проблемы! – внезапно огласил гараж Харламов, и в голосе его прозвенели нотки презрения.

– А у вас что стряслось? – изумился Укрытцев, который в двух словах слышал о произошедшей аварии из уст "Друппи". В ответ Сергей и Антон наперебой принялись рассказывать всем окружающим о постигшей их беде. Харламов рассказал подробно об обстоятельствах аварии и первом разговоре с двумя громилами, а Дробилин описал утренний визит "Гасана" и "Пластилина" и второй разговор с ними. Укрытцев тихо закурил сигарету, сделал пару глубоких затяжек и назидательно сказал:

– Не летайте быстрее, чем ваш ангел-хранитель, пацаны. Вам ещё повезло, что так всё обошлось... Всё могло бы быть ещё хуже...

– Куда уж хуже? Мы на такие бабки попали! – возмутился Дробилин.

– Ну, вы живы, здоровы, с руками и ногами!

– Боюсь, что в данном контексте это ненадолго... – заметил Харламов, – Слушай, "пельмень", а знакомый твой с автосервиса джипами не занимается? Может он нашим громилам дверь по дешевке подлатает. А то десять тысяч баксов за это, на мой взгляд, – слишком жирно...

– Нет, Сегёга. Они – кустаги. Иномагками не занимаются. Латают только наши отечественные тачки. К тому же с "Гасаном" и "Пластилином" вгляд ли кто-то из местных станет иметь дела. Здесь каждая собака наслышана об их нгавах. Они на всю голову отмогоженные...

– А как принцесса твоя отнеслась к аварии и всему произошедшему? – Обратился Укрытцев к "Сапёру".

– Я ей не сказал. Мы расстались...

– Как расстались? – опешил "Паук" – Почему расстались?

– Да потому что не хочу, чтоб у неё проблемы были из-за меня. А то мало того, что своей головы не сношу, так еще и ее убьют из-за меня...

– Ну, это уж совсем паршиво. Столько добивался её и вот так сдал без боя! Я уверяю тебя, что Тараканов теперь свой шанс не упустит... И потом: рановато ты себя хоронишь брат. Ты живой и полон сил. Бороться нужно за выживание, барахтаться, а не опускать руки и превращаться в барана, которого ведут на убой.

– Что сделано, то сделано... – вздохнув, отрезал Харламов.

– А ты сам какой выход видишь из нашего положения? – поинтересовался "Бита".

Павел задумался. Он закурил сигарету, слез с мотоцикла и молча прошелся по гаражу.

– Положение ваше печально, – заключил он. – Если проблему "Шмеля" еще можно решить законными способами, и даже найти несколько вариантов решения: например занять, или заработать эти деньги, продать что-нибудь в конце концов... То в вашем случае все эти варианты отпадают. 10 косарей баксов – огромные деньги, которые на дороге не валяются. Люди годами собирают такие суммы, а у вас всего неделя... Даже если вы обо всем расскажете своим родителям и выставите на продажу свои квартиры – вы всё равно не успеете их продать за неделю. Это процесс не быстрый. Не верите мне, так у "Филина" спросите.

– Да, да, – закивал головой Епишев, – Мы уже 8 дней, как квартиру продаём по заниженной цене. И во всё это время, лишь один человек приходил посмотреть. Обещал перезвонить, ушел и пропал. Никто не хочет в нашей дыре жилье покупать. Ни работы, не перспектив... Все в город едут.

– А у тебя вроде какие-то подвязки есть, в криминальном мире, "Паш"... – ухватился за последнюю соломинку, "Сапёр", – они, может, попросили бы за нас этих двух Быков. Чтоб сбавили цену, ну или отсрочили хотя бы...

– Да какие там подвязки... – махнул рукой "Паук", – Так... Барыги, торгаши и перекупщики... Мелочь, в общем. Не авторитеты они для "Гасана" и "Пластилина". К тому же видно по всему, что эти ребята всерьёз настроены с вас бабла поиметь. Иначе не вломились бы утром в больницу к "Бите". Так что вряд ли кому-то удастся их переубедить.

– Что же нам остаётся?.. – растерянно развел руками "Сапёр".

Расхаживающий из стороны в сторону по гаражу, Укрытцев остановился, пристально посмотрел на Сергея и серьёзно сказал:

– Я думаю, что спасти вас может только ограбление! Никто не поможет вам, кроме вас самих, и деньги не свалятся на вас с неба. Пойми, "Сапёр", в этой жизни рассчитывать можно только на себя...

Харламов опешил и раскрыл рот от удивления. Он ожидал услышать все, что угодно, но только не это. Несколько секунд он пристально и молча смотрел Павлу в глаза, пытаясь понять, уж не шутит ли он. Но на суровом и неподвижном лице не просматривалось и тени улыбки. Сергей покачал головой и с горечью ответил:

– Это безрассудство... Павел, ты подталкиваешь нас к безумию...

– В вашем случае безумие – это сидеть, сложа руки. Времени слишком мало. Если решаться на ограбление, то нужно делать это уже сейчас. Такие дела не планируются за один день. Нужно все как следует подготовить, раздобыть оружие, в конце концов... Но мое дело предложить, а там уж сами решайте. В любом случае ни одного другого реального способа решить вашу проблему я не вижу...

– Слушай, но если ты предлагаешь оружие раздобыть, не проще ли нам грохнуть этих парней – и все дела? – не выдержал "Бита".

"Паук", сохранявший до последнего невозмутимое и серьёзное лицо, внезапно расхохотался и сверкнул своим золотым зубом. Отсмеявшись, он переспросил Дробилина:

– Как ты сказал? "Грохнуть"? А тебе вера твоя позволит?

– Я думаю, что лучше предстать перед Богом старым грешником через годы, чем через неделю святым подростком. А там может и простит Господь, учитывая обстоятельства и срок давности...

– Тоже мне выискался "святой", – скептически улыбнулся Укрытцев.

– Если меня убьют бандиты, я сделаюсь мученик! – парировал "Бита", – И тогда все мои прошлые грехи спишутся...

– Как у Николая кровавого... – усмехнулся "Шмель", – Его теперь тоже решили святым сделать...

– Боюсь тебя огорчить, "Бита", но если ты и впрямь решишь грохнуть этих парней – то мучеником ты сделаешься ещё раньше. Это – матерые головорезы. Они последние 15 лет проводят будни в разборках и перестрелках и отправили на тот свет народу больше, чем маньяк Чикатило. На них профессиональные киллеры охотились, и не смогли завалить. А ты думаешь, что так запросто придёшь и убьёшь их? К тому же марать руки кровью не хотелось бы. Грабеж – это одно, а убийство – совсем другое.

– Существенных различий, я не вижу. Юридически и то, и другое – тяжкие преступления, за которые мы можем получить лет 15 строгого режима. Но проблема даже не в этом, – заметил "Сапёр", – Пойти на такое преступление, отнять деньги у другого невинного человека... Если мы сделаем это, то чем же мы будем отличаться от этих уродов, которые вымогают у нас десять тысяч?

– А я скажу чем! – Вот вы действительно ни в чем не виноваты с "Битой", а Вас прессуют. Причем делают это люди, на которых негде пробу ставить... И где вам искать защиты? Почему не идете в милицию? Ведь должны же они защитить вас от беспредела? Ваши родители платят налоги государству для того, чтобы оно обеспечивало им и вам безопасность от таких отморозков... Так почему же оно не делает этого? Почему милиция заняла сторону откровенных бандитов, которых видно не вооруженным глазом? А я скажу почему. Потому что там сидят такие же преступники. Это они за небольшую мзду закрывают глаза на их очевидные преступления или обвиняют в них невинных людей. Это они, серые мыши в милицейских погонах, прячут улики, оставленные отмороженными бандитами на местах своих преступлений, это "мусора" сдают потом в архив уголовные дела из-за отсутствия доказательств, хотя точно знают: кто есть истинный преступник. А чиновники в больших и светлых кабинетах, зная об этом – потворствуют милиции, стараются всячески замалчивать эту проблему, чтобы не бросить тень на власть. Многие из них и сами связаны с мафией. Наше государство – это часть мафии. Оно позволило этим бандитам появиться, и оно ничего не делает для того, чтобы от них избавиться. По сути, оно виновно в их преступлениях не меньше, чем сами исполнители. Виновен каждый, кто вовлечен в эту систему, значит и вся эта система виновна. Поэтому, если мы эту систему ограбим, то ограбим и бандитов, которые, сами того не сознавая, являются частью этого механизма. Это даже и не грабеж вовсе, мы просто вернем себе то, что нам причитается. Деньги, которые платят государству наши родители в виде налогов и грабительских процентов за кредиты. Деньги, на которые государство должно нас лечить, учить и защищать, но почему-то этого не делает...

– Это звучит справедливо, но как можно ограбить государство? – удивился "Сапёр".

– Можно ограбить госучреждение, в котором достаточно наличности, и которое содержится за счет бюджета, – Пояснил "Паук".

– Я предлагаю ограбить "почту" – заявил Дробилин, – Там совершенно нет никакой охраны, и деньги туда тоже привозят: для почтовых переводов и пенсий.

– То есть ты предлагаешь мне пенсию моей бабки украсть? – возмутился "Сапёр", – Она итак еле перебивается от пенсии до пенсии, а ты хочешь, чтоб из-за нас она на месяц без денег осталась?

– Нет, почта – это плохой вариант. Там вряд ли наберется столько денег, сколько вам нужно... – поддержал его "Паук", – Грабить нужно банк!

– А во время ограбления нам убивать никого, не придётся? – осторожно спросил "Сапёр".

– Если все сделаем быстро и чётко, то обойдёмся вообще без единого выстрела. Ну а если начнут стрелять в нас, то и мы будем стрелять в ответ.

– Так ты тоже хочешь участвовать? – оживился "Сапёр".

– Да, я давно думаю об этом. Сорвать большой куш – единственный способ решить денежные проблемы моей семьи. Больно смотреть, как мать мечется. Но в одиночку об этом даже думать глупо. А с вами втроем у нас должно получиться.

– Почему это втроём? – возмутился "Шмель", – Мне тоже деньги нужны!

– И ты из-за 8000 готов рисковать своей свободой, а может даже жизнью? – изумился "Паук".

– Ты же сам говоришь, что дело – верняк! Риск минимален, зато выгода очевидна. Мы по сути итак рискуем каждый день, удирая от "мусоров" на своих мотоциклах. И разбиться можем, и под пули попасть...

– Ну, с тобой всё понятно... – ответил Укрытцев, – Только "Сапер" и "Бита" ещё не согласились.

Харламов почесал затылок. Всё внутри него напряглось в этот момент. Он понимал, что от его решения будет зависеть вся его дальнейшая судьба. Он собственно уже всё решил. Всё что мог он уже потерял, и терять ему было больше нечего, кроме своих близких. А ради их спасения он готов был положить на алтарь даже собственную жизнь.

– Как писал Островский: "И самого кроткого человека можно довести до бешенства. Не все преступники – злодеи, и скромный человек решится на преступление, когда ему другого выхода нет". Так что я с вами, пацаны...

– А я вообще за любой кипишь, кроме голодовки! – весело повторил "Бита" свою любимую фразу, после чего добавил: – Да и мучеником становиться я пока не хочу... Короче я в деле.

– Добро, – удовлетворённо кивнул "Паук", – Значит нас уже четверо.

– И я с вами! – улыбнулся Епишев, – Эти деньги – единственный шанс выволить отца из лап чеченских боевиков. Мать уже отчаялась продать нашу квартиру. А если срочно не собрать деньги – его убьют. И она, боюсь, зачахнет от одной мысли, что не смогла его спасти. Мне уже больно смотреть на неё...

– Моя мать тоже угасает, – с тоской пробасил "Мамонт", – раз есть возможность крупную сумму раздобыть, – возьмите и меня с собой! Ещё остались небольшие шансы операционным путём её спасти от рака, но с каждым днем эти шансы тают. Операция эта дорогостоящая, и делают её только в Европе. Денег таких у нас нет, а просто сидеть и смотреть, как она умирает, мне не выносимо тяжело...

"Паук" с согласием кивнул, и перевёл свой серьёзный взгляд на "пельменя", который с интересом наблюдал за окружающими. Почувствовав, что в него пылливо впились глаза Укрытцева, Кузённый замотал головой и возбужденно затараторил:

– Э, нет "Паук", на меня не гассчитывай. Я в этой авантюре не участвую. Еще помочь чем-то вам – пожалуйста, но под пули с вами лезть я не собигаюсь. Это без меня...

Внезапно из своего укрытия выскочил "Друппи", до этого тихо сидевший в углу. Он подбежал к толпе и с оживлением огласил гараж своим звонким голосом:

– Возьмите и меня с собой, ребята. Я пригожусь. Вы не пожалеете. Мне тоже лишние деньги не помешают.

– Нет, "Друппи", – осек его "Паук", – Извини, конечно, но ты пока еще слишком мал для таких дел. В крайнем случае, придумаем тебе какую-нибудь задачу в тылу. Будешь, к примеру, нас ждать в гараже с распахнутыми воротами, готовый быстро их закрыть, когда мы вернемся.

– Точно, а то ещё укусит кого-нибудь... – ухмыльнулся "Бита".

– Итого шесть человек... – задумчиво заключил Укрытцев, обведя глазами толпу.

– Где ж вы столько стволов возьмёте, ггабители-гецидевиcты? – скептически ухмыльнулся "Пельмень" – Вам тепегь целый агсенал нужно где-то газдобыть...

– Нам бы и одного ствола хватило для оcтрастки. Но ствол должен быть реальным... Чтoб и в воздух пальнуть можно было, и от погони отстреливаться, – заключил Укрытцев.

– В наших краях Гражданская война гремела, – помявшись немного и смочив слюной засохшие губы, тихо сказал "Шмель", – Я знаю все участки, где проходили бои. Можно всем пройтиcь с лопатами по тем местам, может что-то и найдём.

– Без металлоискателя – не реально. Для этого придется вшестером целое поле перерыть. И даже если откопаем какое-нибудь оружие, то состояние его будет удручающее. У меня в гараже за год запчасти ржавеют, а если их в землю закопать на 80 лет, то, скорее всего, от них вообще ничего не останется... – с грустью заключил "Паук". Все крепко призадумались. "Сапёр" нахмурил лоб, и высказал свое предложение:

– Я могу сделать поджиг.

– А, поджиг! – радостно заголосил "Филин", – Знаю, знаю. Это самодельный пистолет из трубки, шомпольный, однозарядный. У меня приятель один сделал себе такой, чтоб по кошкам стрелять. Переборщил однажды с порохом, и он взорвался у него в руке. Теперь у него двух пальцев не хватает... – сказав про пальцы "Филин" вспомнил своего отца, голос его задрожал, и он опустил голову.

– Поджиги эти только и годятся, чтоб по кошкам, да по воробьям стрелять. Прицельная дальность не больше 10 метров. Убойная сила слабая. Человека не завалишь из такого, а только разозлишь. Да и стекло бронированное не пробьет, если там оно будет. Таким вряд ли кого-то напугаешь. Перезаряжать долго и неудобно, да и не надежный он. "Филин" правильно заметил. Можно больше себя искалечить, а не противника, – с тоской заметил Укрытцев, и выражение его лица стало еще печальнее, – Нам бы посерьезнее надо что-нибудь... Автомат или хотя бы ружьё... Ты, "Шмель" как-то говорил, что у тебя брат где-то поблизости служит?

– Да, в военной части ПВО. 15 километров от нас.

– Ты бы перетёр с ним как-нибудь с глазу на глаз. Может он может стволы подогнать?

– Да ты что, "Паук", – вытаращил глаза "Шмель", – Как же он казенное оружие нам подгонит?

– Ты узнай. За спрос не берут. Я всю жизнь по военным городкам кочую и наслышан, как военные казенное оружие распродают. А отец рассказывал и вовсе жуткие вещи. В Чечне солдаты на бутылку духам автоматы меняют. А те потом из их же оружия стреляют по ним в ночное время. Может и брат твой сможет чем-то помочь.

– Хорошо, давайте доедем завтра с кем-нибудь, чтобы брат не понял, что я для себя спрашиваю.

– Слушай, "Сапёр"! А ты говорил, что у тебя дед охотник был. Может у него ружьё осталось? – осенило Дробилина.

– Не знаю, может и осталось... Но в гараже его точно нет, я там всё перерыл. Надо у бабушки спросить...

– Ну, так давай завтра съездим к твоей бабушке, а потом – к моему брату, – предложил "Шмель".

– Хорошо, только скажи, туда дорога не песчаная ведёт? А то моторашка моя по песку не тащит совсем. Колёса маленькие – зарываются. А "Ижаку" – похоже Alles*...

– Туда «гравийка» ведёт. Твой "Туляк" проехать должен...

– А что с "Юпаком"? Всё так плохо? – спросил Укрытцев.

– Катастрофическое состояние... – вздохнул Сергей, – Разбита приборка и двигатель, передняя вилка погнута, раму повело, бак помят. В движке наверняка половина деталей тоже деформирована, ну и по мелочи: 2 поворотника, передняя фара, руль... Не уверен, возможно ли, вообще его восстановить... Наверное, будет дешевле купить новый.

– Ну, с тобой проще, "Сапёр"... У меня запчастей хватит на 3 "юпитерских" движка. И приборку с фарой и поворотниками думаю, что найду. Единственная проблема – рама, бак и передняя вилка... Таких крупных деталей у меня нет.

– Слушай, ну это самое главное. Раму с вилкой найдём где-нибудь, а на баке вмятина просто. Можно отрихтовать... Сколько я буду должен тебе за все? – оживился Харламов.

– Оставь, какие деньги могут быть. Мы только что на такое дело подписались вместе! Побереги деньги на раму, и подумай, где можно её купить в ближайшие дни...

– Слушай, – вскочил осенённый Дробилин, – у "Кощея" же осталось всё это наверняка! Он хоть и погорел малость, но раме с вилкой ничего же не сделалось...

– Добро, завтра наведемся к нему! – удовлетворённо кивнул Укрытцев, – а ты "Сапёр" постарайся какие-нибудь деньги найти. Неизвестно, сколько он заломит за запчасти... – сказав это, "Паук" энергично прошелся по гаражу взад-вперед, обрабатывая в уме всю информацию, полученную этим вечером, а затем остановился и высказал свое заключение:

– Значит так. "Сапёр" и "Шмель": завтра утром поедете закидывать удочки на счёт стволов. А я тем временем прицеплю "люльку" к своему коню, чтобы привезти из Куликово раму, если что. В полдень все соберемся где-нибудь рядом с больницей, чтобы "Бите" было не сложно добраться...

– Там есть старая беседка в больничном сквере... – перебил Дробилин.

– Ну, точно! – воскликнул Укрытцев, – Туда и подруливайте все к двенадцати. Исходя из результатов, будем думать, что делать дальше. Потом я доеду с "Сапером" к "Кощею" по поводу запчастей, и начнем потихоньку ставить разбитый "Юпак" на колёса. Ну а на сегодня всё. "Бита" не убегай, я подвезу тебя до больницы.

ГЛАВА 4

Так бывает, что человек годами строит планы, создаёт себе программу, по которой планирует прожить свою жизнь, но случается одно непредвиденное событие, которое разбивает все это в пыль и труху. Событие, которое никак не зависит от человека, которое нельзя спрогнозировать. Оно рушит все планы, словно Вавилонскую башню, моментально, бесповоротно и безапелляционно. И жизнь идёт совершенно по другому пути, о котором всего день назад человек не мог и подумать. И в кошмарных снах не видел Сергей тех событий, которые наступили в его жизни. И теми моральными принципами, на которые он во всем опирался, приходилось поступиться ради спасения себя и своих близких.

Что-то сломалось в его представлении об окружающем мире в тот вечер, когда все они собрались у "Паука" в гараже. Он вдруг с невероятной четкостью уяснил для себя, что виной всему не бандиты, вытворяющие произвол и упивающиеся своей безнаказанностью. Они лишь орудие в руках коварного кровожадного спрута, раскидавшего щупальца по телу огромной страны. А виной всему этому произволу – власть, выстроившая систему, в которой эти люди могут себя так вести. Систему, при которой вообще эти бандиты смогли появиться, и которая дала им вырасти до таких устрашающих масштабов, как сегодня. Он также понял, что закоренелыми преступниками и налетчиками не рождаются. Что это не какие-то особенные отщепенцы, которым в генах определено стать бандитами. Это в большинстве своем обычные люди из толпы, которых жизненные обстоятельства толкнули за черту. Вот и ему настал черед пополнить их ряды.

Он весь оставшийся вечер провел дома в раздумьях. План "Паука" казался ему утопией и авантюрой. Он ни секунды не верил в то, что им удастся его осуществить. Но Сергей ухватился за него, словно утопающий за последнюю соломинку. И уверенность всех окружающих, и самого Павла, помешала ему высказать свои сомнения публично. Он поддался стадному чувству и пустил все на самотек.

В тот вечер в его квартире раздалось несколько странных звонков. Каждый раз "Сапер" преодолевая боль в коленях, хромал в сторону коридора, поднимал трубку, но слышал в ответ лишь молчание и тяжелое дыхание своего собеседника. Кто так жестоко шутил над ним, ему оставалось только гадать. Возможно, это был Тараканов, который таким образом пакостил за свое разбитое лицо, а может быть "Гасан" и "Пластин" хотели заставить его нервничать, и таким образом напоминали о деньгах. Но цель была достигнута, и какой-то неприятный осадок от этих звонков действительно остался.

Ранним пятничным утром, едва успев позавтракать, Сергей услышал за окном громкий протяжный гудок мотоцикла. Он отодвинул занавеску, и, выглянув в окно, увидел внизу у своего подъезда оранжевую "Планету-5" самой первой модификации. Верхом на ней сидел тучный Михаил Никифоров в своей черно-желтой полосатой майке и озирался головой по окнам верхних этажей. Он посигналил снова, и Харламов с трудом взобрался на подоконник, распахнул форточку и крикнул:

– Здорово, Миша! Сейчас спущусь, не шуми.

Когда "Сапёр" спустился и отварил ветхую подъездную дверь, мотоцикл "Шмеля" с обеих сторон обступили две бойких возмущённых старушки. С левой стороны – худая и костлявая с клюшкой в оранжевом плаще 60-х годов, застегнутом на большие черные пуговицы, и зелёном цветастом платке, покрывавшем седые волосы. С правой – упитанная, как и сам Михаил, тучная старушка в бордовом плаще и синем вязанном берете. Полная женщина молчала, и, видимо, подошла за компанию. А худощавая в жёлтом была возмущена до предела. Она махала своей клюшкой и громко кричала на "шмеля", а сморщенное старое лицо пепельного цвета от злости и возмущения ещё больше покрылось морщинами и напоминало потрескавшуюся от

засуши землю. Крик оглашал двор, пожалуй, даже сильнее, чем звуковой сигнал мотоцикла, она по-деревенски делала в своей речи акцент на "о", и обильно посыпала свою отповедь просторечными выражениями:

– Ты чего разбикался, окоянный наркоман? Люди спят, он бирикает тут! А ну езжай отседова!

– Тише, тише... – оправдывался Михаил, покраснев и переводя растерянный взгляд с одной старушки на другую, – Я сейчас друга дождусь, и уеду... Вы сильнее, чем мой мотоцикл орёт!

– Я те поору, супостат! Я поору тебе сатанист проклятый! – разошлась было старушка, но увидев "Сапера" немного смягчилась, осознав, что силы уравнились, – Вон ещё один прётся "моциклит". Развелось, наркоманов... Рокеры чёртовы...

С этими словами обе женщины удовлетворенно повернулись и пошли к соседнему дому, чтобы присесть на скамейку у своего подъезда. При этом худая скрючилась, как вопросительный знак и громко застучала своей палкой об асфальт при каждом шаге, а полная приобняла ее за плечи, чтобы немного поддержать. Ещё долго доносились громкие и возмущённые проклятья с их стороны, и даже, когда оба парня уехали, они продолжали перемывать их кости, и кости всего семейства Харламовых, так как о "Шмеле" им было ничего не известно.

Бабушка Харламова жила на другом конце посёлка, на улице Горького неподалеку от места, где продавался самый отвратительный самогон во всей округе. Она проживала в обычной типовой хрущёвке, на первом этаже. Дверь её почти всегда была открыта, она запирала её только по ночам. И даже если уходила куда-то днем, то обязательно оставляла ключ под ковриком, на случай если к ней нагрянут гости. Через всю длинную жизнь она пронесла наивную веру в непогрешимость и доброту людей. Она не боялась квартирных воров, так как особо и красть-то у неё было нечего. Пенсии едва хватало на самую простую еду и оплату коммуналки, а из имущества её самой большой ценностью был старый чёрно-белый телевизор, которому было больше лет, чем Сергею.

К дому Харламовской бабушки ребята приехали уже порознь. "Шмель" предварительно подвёз Сергея до гаража, где он пересел на свой мотороллер. Оба транспортных средства аккуратно припарковались во дворе напротив подъезда и заглушили моторы. Не успела осесть пыль, поднятая их колесами, как Сергей поставил мотороллер на подставку и пошел к дому. Харламов в прошлом много часов провёл на детской площадке у этого, утопающего в зелени, дома. Родители часто оставляли его у бабушки, и это место было для него родным. Все бабушкины соседи когда-то знали его в лицо, но теперь это лицо все они подзабыли. С возрастом, Сергей все реже бывал у бабушки в гостях, все время находились какие-то срочные дела, и, казалось, что её можно будет увидеть позже. Он ещё не понимал, насколько коротка человеческая жизнь, и что упущенных минут, проведенных с родным ему пожилым человеком, потом вернуть будет невозможно...

Двор, укрытый тенью высоченных тополей, был пуст и безмятежно тих. Лишь одна женщина лет сорока с растрепанными черными волосами вывешивала перед домом стираное белье и недоверчиво поглядывала на чужаков.

– Серег, ты там долго не рассусоливай... До строевой в армейку надо успеть, а то брата не выпустят! – крикнул вслед удаляющемуся "Сапёру" Михаил, оставшийся ждать на мотоцикле.

– Хорошо, – ответил Харламов и вошёл в дом. Подъезд встретил Сергея прохладой и запахом подвальной сырости. Он энергично взметнулся по ступеням на площадку первого этажа и без стука распахнул тугую дверь в бабушкину квартиру. Квартира была в точности, как у его родителей, но обставлена поскромнее. Её наполнял громкий звук, лившийся из старого телевизора "Славутич-220" и запах характерный для мест, где живут старики.

Притворив за собой дверь, Сергей разулся в прихожей и не спеша проследовал в зал по выцветшей ковровой дорожке бордового цвета. Обставлен зал был в таком же порядке, что и в квартире родителей.

В просторной комнате обклеенной серыми блеклыми обоями из мебели размещалась старая софа, сервант, заполненный хрустальной посудой и фотографиями родственников, кресло, обивка которого была изодрана кошачьими когтями, старый обеденный стол укрытый белой скатертью и два деревянных стула со спинками. На стене висел отрывной календарь, с которого издали можно было увидеть число "15", на полу расстелен ковер, украшенный причудливыми восточными узорами. С потолка над ним нависала массивная люстра, увешенная прямоугольными хрустальными пластинами. Вместо дверей, в межкомнатном проеме висела бордовая занавеска. Широкие подоконники были заставлены массой горшков, из которых окна наполовину перекрывали растущие растения и цветы.

Бабушка в старом застиранном халате сидела на софе с огромными очками на носу и внимательно смотрела телевизор. Она была худой и небольшого роста, и не сразу можно было увидеть ее в этой комнате. Её сухая щуплая фигура находилась в самом углу дивана. На коленях у нее вальяжно развалилась серая кошка, которую бабушка заботливо поглаживала сморщенной костлявой рукой. Серое испещренное морщинами лицо ее сосредоточенно смотрело выцветшими голубыми глазами сквозь линзы очков в мерцающий экран старого телевизора. Седые серебристые волосы были аккуратно собраны в пучок на затылке.

Слух стал подводить бабушку, и она не слышала, как вошел внук. Заметила она его лишь, когда он проследовал в комнату и преградил ей телевизионный экран. Она неторопливо сняла очки и пристально посмотрела на него. Узнав в нем родного человека, бабушка искренне обрадовалась. Морщинки, будто лучики солнца, собрались в уголках глаз, и блеклые губы растянулись в улыбке, оголив 2 передних серебристых зуба:

– Здравствуй, внучек! – воскликнула она, вставая с софы, чтобы обнять его. Харламов сделал к ней пару нетвердых шагов и обнял.

– Совсем позабыл бабку... Вчерась в окно смотрела, мальчишка какой-то промчался под окнами, похожий на тебя. А потом смотрю – не ты... Что так редко заходишь?

– Да все некогда как-то... – смутился Сергей и махнул рукой.

– Ну да ладно... – вздохнула старушка, – пойдем чай пить.

Они прошли в кухню по скрипучим половицам: Сергей, прихрамывая на обе ноги, следом его бабушка, а за ней – серый дымчатый кот. В тесной маленькой кухне из круглого белого приемника в радиоточке за дверным косяком лились сигналы точного времени радиостанции "Маяк". Кухня была меблирована аскетично, и в ней было лишь самое необходимое. Прямо перед дверью располагался небольшой квадратный стол, укрытый белой клеенчатой скатертью, и два табурета. Над столом на выщербленной неровной стене, окрашенной дешевой синей краской висел большой календарь с изображением иконы казанской богородицы, на котором маленьким шрифтом были расписаны все православные праздники на 2000 год. На столе стояла большая стеклянная ваза с сухарями из ржаного хлеба.

По левую сторону от двери стоял старенький невысокий холодильник "Бирюса" на крышке которого на вязаном круглом коврик стояла деревянная хлебница. Над ней в стене было сделано световое окно, сквозь которое виднелась темнота ванной комнаты. В углу за холодильником подвешивалась стальная раковина, с пожелтевшей от ржавой воды и кое-где отколовшейся эмалью. Над раковиной прямо из стены торчал кран, из которого с громким стуком то и дело капала вода. Чуть выше на стене висела решетчатая полочка с минимальным набором посуды. А под раковиной у сливной канализационной трубы, уходящей в стену, на дощатом полу стояли две консервных банки, в одной из которых была вода, которую пил кот, а в другой еда, которую он ел.

По соседству с мойкой была установлена двухкомфорочная газовая плита производства Московского завода "Газоаппарат". В своем первоначальном виде плита была белой, но за долгие годы работы она была обильно покрыта несмываемыми брызгами раскаленного масла и жира, и от этого приобрела бежевый оттенок. Под плитой, стоявшей на высоких ножках, на полу лежала пара желтых макаронин, которые бабушка обронила в процессе приготовления обеда, и в силу слепоты так и не разглядела их. Всю стену за плитой пересекала газовая труба. Она причудливо извивалась по всей стене, словно юркая змея, создавая неповторимый элемент декора, и одним из своих ответвлений присоединялась к огромной газовой колонке, под которой стоял двухстворчатый шкафчик, замыкающий пространство вдоль стены.

Войдя на кухню, Сергей сел за стол. Бабушка подошла к плите, и, чиркнув спичкой, зажгла синее пламя газовой конфорки под пузатым желтым чайником, а пушистый серый кот вскочил на широкий подоконник, и вальяжно развалившись, лениво уставился в окно. За стеклом, с трещиной заклеенной синей изоляцией, изредка неспешно проезжали автомобили и громко ворковали голуби. А во дворе, напротив подъезда на блестящем оранжевом мотоцикле сидел, подергиваясь и облизывая губы, "Шмель", который беспрестанно поглядывал на часы.

Увидев его "Сапер" решил перейти к делу, по которому приехал, и, бросив в граненый стакан с мельхиоровым подстаканником три кубика сахара, внезапно задал неожиданный вопрос:

– Баб Валь, а у деда ружьё осталось?

Бабушка сделала пару коротких шагов, и, остановившись в центре кухни, пристально посмотрела на внука. Лицо ее сделалось сосредоточенно серьезным. Она молча смотрела на Сергея несколько времени, пытаясь понять, не подвел ли ее слух, и правильно ли она расслышала вопрос. Сергей, уловив ее колебания, повторил свою фразу еще раз, громче и отчетливее.

– Ружье то дед продал давно... И все охотничьи снасти свои. Ну, посуди сам, какой охотник из него был в последние годы? Еле ноги таскал... Хотя ты и не помнишь деда, наверное. А ты зачем интересуешься? Уж не убить кого задумал? Хромаешь вон. Чей подрался с кем-нибудь?

– Нет. Что ты, баб Валь? – притворно улыбнувшись, успокоил внук, – Это не мне. Вон приятель интересуется, – кивнул он на окно, – Бандиты семью его затерроризировали совсем. Отец коммерсант, постоянно из него деньги приходят вытрясать. Никакого спасения нет. Ищет хоть какое-нибудь оружие, а то мало ли... Времена сейчас, сама знаешь...

– Да, времена сейчас, не дай бог никому... На улицу страшно выйти. Того и гляди подстрелят случайно в какой-нибудь перестрелке. На прогулку, как на войну уходишь. Неизвестно, вернешься ли домой... – вздохнула бабка, – Я и не припомню такого на своем веку. Было время немец нашу державу изводил, но чтоб свои своих убивали, такого я не помню... Безобразие такое, похоже, в гражданскую было только, но я в те годы еще не родилась, – и, подумав немного, старушка добавила: – Эх, Сталина бы поднять на пару лет. Он бы живо порядок навёл. Совсем страх потеряли все без него...

В этот момент задребезжала эмалированная крышка чайника, а и из его носика высоким столбом повалил густой пар. Бабушка перекрыла газ, налила горячего ароматного чая себе и внуку, и, усевшись напротив, с грустью сказала:

– Конфет пока нет, внучек. Угощайся сухариками. Пенсию не заплатили ещё.

– Да ничего, бабуль... Я с сахаром, – покраснев, виновато ответил "Сапер". На душе его скребли кошки. Ему казалось, что он объедает свою пожилую родственницу, у которой и без него наполовину пуст ее маленький холодильник. И "Шмель", ожидая его, заметно нервничал за окном. Но отказаться от чашки чая с любимой бабушкой он тоже не мог, ее это всегда крайне обижало.

Поспешно допив чай, Сергей отставил стакан и встал из-за стола. Он погладил худой и длинной ладонью мягкую шерсть кота провалившегося в полудрему на разогретом солнцем

подоконнике, и, заметив, что "Шмель" за окном недовольно показывает на часы, повернулся к бабушке.

– Ну, все, бабуль, мне пора... Меня друг ждет.

Сияющее бабушкино лицо заметно помрачнело. Она, кряхтя, поднялась со стула и, шаркая тапочками по ковровой дорожке, проводила Харламова до дверей. С грустью наблюдая за тем, как внук обувает ботинки, старушка тихо и искренне произнесла:

– Заходи почаще. Не забывай бабушку... – затем на прощание крепко обняла Сергея, и он, простившись, вышел за порог.

Томившийся в ожидании Никифоров про себя чертыхался и ерзал на потертом седле. Ему казалось, что с ухода "Сапера" прошла уже целая вечность. Когда же, наконец, подъездная дверь гулко хлопнула, и Харламов быстрым шагом вернулся к мотороллеру, он с нетерпением вскочил с мотоцикла и суетливо спросил:

– Ну что ты там так долго копался? Что с ружьем?

Сергей развел руками и со вздохом ответил:

– Забудь о ружье. Его давно продали. Бабка чаем угощала, отказываться было бы подозрительно. Иначе решила бы, что приехал только за этим...

– Ладно, поехали! У нас мало времени, нужно торопиться... – разочарованно воскликнул Михаил и, сплюнув на асфальт, пошел заводить свой мотоцикл.

Дорога в воинскую часть, в которой проходил службу брат Никифорова, была неприметной и ничем не выделялась. На ней не было указателей или дорожных знаков. Это был обычный грунтовый съезд, который плавно переходил в гравийную насыпь из белого щебня. Белая, словно заснеженная, узкая дорога, на которой с трудом впритирку разъезжались встречные автомобили, с обеих сторон была окружена густым высоким хвойным лесом. Исполинные корабельные сосны, громоздившиеся на обочинах, создавали над дорогой постоянную тень и прохладу.

Поднимая за спиной высокое облако белой, словно из муки, пыли, Михаил и Сергей мчались по укатанному щебню по пустой дороге, боясь опоздать. Мимо проносились темно-зелёные ветви косматых сосен. "Шмель" ехал чуть впереди, указывая дорогу, и постоянно сбавлял скорость, давая возможность Харламову догнать его.

"Сапер" мчался на максимально возможной для своего мотороллера скорости в 90 км/ч, но все равно то и дело отставал от Никифорова. Его железного коня болтало из стороны в сторону, но Сергей уже привык справляться с этой вибрацией. Спустя 10 км однообразной лесной дороги, деревья начали редеть, и вскоре парням открылся небольшой пятачок из настланных на землю железобетонных плит, перед территорией режимной части, огороженной высоким секционным забором, над которым спиралью вилась колючая проволока.

Сразу за этой площадкой, служившей стоянкой для автотранспорта, приехавшего на военный объект, располагался КПП. Это был единственный путь, через который можно было попасть на территорию объекта. Въезд за периметр преграждали двухметровой высоты двухстворчатые ворота серого цвета. В центре каждой створки был изображен двуглавый орел министерства обороны. А слева к воротам примыкало непосредственно само помещение КПП. Оно представляло собой небольшую кирпичную будку с одним окном и металлической дверью темно-синего цвета. На двери висела небольшая красная табличка, на которой жёлтыми заглавными буквами выделялась надпись: "КОНТРОЛЬНО ПРОПУСКНОЙ ПУНКТ В/Ч 46827".

На этот раз ребята поменялись ролями: Сергей остался с мотоциклами, а Михаил вошёл в дверь. Перед ним предстал узкий длинный коридор, путь через который преграждала вертушка. Справа была стена с окном, выходящим во двор. Слева – перегородка с окошком, за которым сидел дежурный в военном камуфляже и с красной повязкой на правом плече. Над окошком висел красный транспарант, на котором большими белыми буквами было начертано: "СТОЙ! ПРЕДЪЯВИ ПРОПУСК"

Дежурный имел суровый вид и азиатские черты лица. Его кожа красновато-кораллового оттенка была покрыта мельчайшими капельками пота от невыносимой жары, которую не в силах был скрасить даже настольный вентилятор, жужжавший на столе рядом с ним. А на правом глазу красовался огромный заплывший синяк размером со свежую сливу, от которого и без того узкий глаз восточного парня сузился еще больше и превратился в едва заметную щёлку. Дежурный, увидев на КПП молодого парня, позабыл о прописанном в уставе порядке, и вызывающе выкрикнул из своего окошка:

– Тебе чё тут надо, пацан?

– Да я это... – растерялся "Шмель", – Брата приехал повидать. Можно позвать его? Буквально на 10 минут.

– Можно Машку за ляжку! Не положено! – отрезал дежурный и громко зевнул, – Давай дуй отсюда! Нечего на режимном объекте околачиваться!

Огорченный "Шмель" вышел наружу, опустив голову. Раздумывая о том, как объяснить "Саперу", что они напрасно проделали этот путь, он вытащил из кармана джинсов скомканную пачку сигарет и закурил. Внезапно за его спиной распахнулась дверь КПП, и из нее вышел уже знакомый ему дежурный азиат с подбитым глазом. Он оказался ниже Михаила на полголовы и раза в два худее. Носком запыленного кирзового сапога он виновато пнул камушек гравия, по-видимому, сожалея о том, что был слишком резок, и вкрадчиво обратился к "Шмелю":

– Слушай, а ты куришь? Сигаретами не богат?

Шмель угрюмо нахмурил брови, и обиженно надув розовые пухлые щёки, протянул солдату пару сигарет. Тот не мешкая ни секунды, с жадностью закурил одну из них, и сделал пару глубоких затяжек. Он стоял рядом со "Шмелём", и смотрел на него совершенно иными глазами. Взгляд его сделался дружелюбным, будто сигареты, сроднили их между собой.

– Да ты на мое лицо не смотри. Здесь синяки – это нормально. Тяготы службы. Ещё год служить осталось... Сейчас деда по домам разъедутся и совсем другая петрушка пойдёт... А брат твой давно служит?

– Год, – сухо и все ещё обиженно ответил "Шмель".

– Слушай, так он же с моего призыва! – опешил солдат, – А фамилия его как?

– Никифоров... – растерянно промямлил Михаил.

– Лёха что ли? Так что ж ты сразу не сказал, дурья твоя башка... – воскликнул дежурный, и быстро докурив окурочок, добавил: "Сейчас позову!". Он швырнул дотлевающую сигарету в сторону и скрылся за темно-синей дверью.

Когда Михаил увидел на пороге КПП собственного брата, он с трудом его узнал. Молодой, походивший на него внешне паренек, за каких-то полгода, прошедших с их последней встречи, сильно переменялся и возмужал. Он был когда-то, как и Михаил, тучным и высоким, но служба сделала его худощавым и осанистым. Он стал казаться выше ростом, не то из-за непривычной худобы, не то из-за того что перестал сутулиться. Черты его лица были разительно схожи с братом, но приобрели слегка резкие и по-мужски угловатые формы.

Брат вышел, по привычке чеканя шаг хромовыми сапогами, крепко пожал "Шмелю" руку, и, не скрывая радости от неожиданной встречи, спросил:

– Какими судьбами?

– Да я брат по делу... – стараясь говорить, как можно тише, ответил Михаил, и, кивнув на "Сапера", курившего на небольшом отдалении верхом на своем мотороллере, добавил – Пацану знакомому автоматы нужны... Хотя бы один... Можешь достать?

Лицо Алексея сделалось серьезным. Он приподнял камуфляжную кепку и задумчиво почесал коротко стриженую макушку. Задумавшись на несколько минут он закурил, и, выдохнув синий дым, с сожалением ответил:

– Нет, братка. С автоматами я твоему приятелю помочь не смогу... Видишь ли, какая штука. У нас оружейную комнату командир роты опечатывает, и ключи только у него хранятся. Теоретически, можно слямзить и оттуда... Но пропажа автомата всплывет на следующий же день. И я моментально отправлюсь под трибунал... Единственное, чем я мог бы помочь твоему приятелю – это раздобыть патроны от «калаша». Это я могу. Ключи от склада боеприпасов у старшины роты, и он выдает их нам на всю ночь, когда мы заступаем в караул. патронов на складе – до чёрта! Поверяют их крайне редко и спустя рукава. Когда всплывет недостача, определить во время чьего дежурства пропали патроны, будет уже не возможно... Так что спроси, если такой вариант его устроит – я ему помогу.

– Мда, это плохо... – раздосадовано вздохнул "Шмель", побагровел и опустил глаза в землю, – Видишь ли, ему ствол для дела нужен, в котором участвует не только он. Так что этот вариант ему нужно будет обсудить...

– Ну, подробности его дел меня не интересуют. Меньше знаешь, крепче спишь, как говорится... – заключил Никифоров-старший, – А вот обсуждают они пускай побыстрее. Я заступаю на дежурство уже сегодня ночью, и когда снова выпадет такой шанс, сказать пока не могу.

– Так мы же не увидим тебя до твоего дежурства, как ты узнаешь его ответ?

– Если они решатся, пусть в два часа ночи приедут к части. Вплотную пусть не подъезжают, здесь повсюду караулы. Оставят транспорт метрах в 50, а дальше – на ногах. Пешком сквозь лес проберутся к забору и пойдут вдоль него. Тут по периметру ограждения колючка идет, но в одном месте она обрывается. Мы там выбрасываем мусор через забор, и постоянно на колючке повисало всякое тряпье и помои. В конце концов, старшина приказал метр колючки срезать в этом месте. Вот там я и буду их ждать с ящиком патронов. Если до полтретьего никто не появится, буду считать, что предложение их не заинтересовало.

– Хорошо. Сколько это будет стоить, если что?

– Да мне деньги сейчас не нужны... – растерялся Алексей, – Мне еще год тут лямку тянуть. Что я куплю тут на них за этим забором? И раз уж для твоих друзей надо, зачем я буду с них деньги брать... Знаешь что? Пусть они мне лучше выпить чего-нибудь привезут, – лукаво улыбнулся солдат, – Бутылку водки (или самогона), блок сигарет с фильтром и какой-нибудь домашней еды... И будем считать, что мы в расчете.

– Хорошо, я все передам, – облегченно улыбнулся "Шмель", обрадованный выгодой сделанного им предложения.

– Ты это... Береги себя. Смотри, не вляпайся куда-нибудь с этими друзьями, – сказал на прощание "Шмелю" старший брат, крепко пожал ему руку, и строевой походкой зашагал обратно к КПП.

ГЛАВА 5

На широкой асфальтированной площадке перед больницей разместились 5 мотоциклов тех, кто накануне решился на ограбление банка. Блестя лаком и хромом, они привлекали внимание немногочисленного медперсонала и больных, выходящих на улицу. Чёрный мотоцикл "Паука", с прицепленной клиновидной коляской, причудливо соседствовал с белым микроавтобусом скорой помощи. Полированный до гладкого блеска череп парнокопытного на переднем крыле, уныло таращился пустыми глазницами в сторону зеленого сквера. Там, за высокими кронами деревьев, в старой разрушающейся беседке собралась компания из отчаянных парней, доведенных обстоятельствами и нуждой до самой крайней черты.

Выслушав рассказ "Шмеля" и "Сапёра" об их утренней поездке по поводу оружия, "Паук" задумчиво склонил голову и прошёлся по беседке. Рассевшиеся на лавочках вокруг него ребята, с тревогой и ожиданием наблюдали за ним и ждали его вердикта. 5 пар пытливых глаз пристально сопровождали каждый его шаг. Наконец Павел остановился, и с улыбкой осмотрев всех собравшихся, рассудительно заключил:

– А я считаю, что патроны нужно брать! Это уже полдела практически... И почти на халяву... Откажемся сейчас и потом можем оказаться и без патронов, и без стволов...

Все переглянулись, послышался шорох и невнятный шепот окружающих. "Филин" громко вздохнул, и, подняв свои воспалённые красные глаза на Укрытцева, скептически заметил:

– Паш, ты может не внимательно слушал, но стволов в любом случае не будет... Брат "Шмеля" нам в этом деле подсобить не сможет. Где мы, по-твоему, возьмем автоматы? В магазине купим, или у «Гасана» возьмем напрокат? Зачем нам, в конце концов, патроны, которые некуда зарядить? Или мы придем в банк покажем их кассиру и крикнем: "Гони деньги, иначе закидаем тебя на смерть..."

После этих слов на несколько минут в беседке повисла тишина. "Паук" мучительно искал в голове ответы на вопросы Епишева, а все остальные, зараженные скепсисом Юрия опустили головы и уставились в дощатый серый пол. Лишь никогда не унывающий "Бита" сидевший по своему обыкновению с ногами на скамейке в своих потрепанных больничных тапках, жизнерадостно улыбался. Воспользовавшись повисшей тишиной, он решил вставить слово и хоть немного поддержать Павла:

– Как говорит наш учитель ОБЖ Чеботарский: "Где дело правое – и малые победы велики". Сейчас Бог подбросил нам шанс, получить патроны, значит, вскорости пошлёт и автомат...

– "Бита", ты – гений! – с восторгом вскрикнул Укрытцев и звонко шлепнул себя по лбу, увенчанному большой ссадиной, правой ладонью, – Как же я сразу не догадался... Ведь ничего нет очевиднее: ОБЖ! У нас в кабинете ОБЖ хранится полно автоматов! Помните, мы собирали и разбирали их на время на уроках начальной военной подготовки? Они лежат в железном шкафу, ключ от которого всегда у Чеботарского в ящике стола. И никакой охраны, кроме старой вахтерши, которая постоянно спит... И автоматов хватит на всех. Попроберемся ночью в школу, вскроем кабинет – и мы готовы к ограблению!

– Слушай, – снова засомневался Епишев, – но ведь это ж учебные пособия. Практически макеты. Ты уверен, что они пригодны к стрельбе? Может там, боек удален, или еще какие-нибудь изменения внесены в конструкцию!

– Нет, – парировал, окрыленный найденным выходом "Паук", – стволы 100% боевые. С ними в прошлом году одиннадцатиклассников на стрельбище возили. И они очень даже неплохо стреляют, хоть и потрепаны немного... Патронов только к ним нет, но их мы успешно добудем через Мишкиного брата.

Воодушевлённый таким успешным развитием событий Павел очень быстро заразил своим позитивом остальных. Улыбка коснулась и потемневшего лица "Филина". Лишь Харламов был по-прежнему мрачен. Стремительно закручивающаяся спираль событий, которые ещё несколько минут назад он считал не возможными, испугала его. Ограбление, которое казалось ему фантазией и утопией, начинало обретать реальные черты...

– А я вот все думаю о нашей с "Битой" ситуации, Паш... Может другой какой-то выход есть? Если мы с родней куда-нибудь в деревню уедем на пару лет, ведь маловероятно, что бандиты нас там найдут... А потом забудут, может, или перебыют друг друга на какой-нибудь разборке...

– Вот, смотрю я на тебя, Сергей, – лукаво улыбнулся "Паук" и, подойдя к Харламову, пристально посмотрел в его глаза, – Вроде умный ты парень, а очевидных вещей не понимаешь... Как ты не возьмёшь в толк, что это мафия! Они повязаны и с ментами и с чиновниками. Ты думаешь, они случайно на Дробилинскую палату набрели? Как только ты прописку будешь в деревне оформлять, они сразу же твой новый адрес пробьют. И поверь, сотня километров бандитов не обременит... 3 года назад «Ореховские» Сашу Македонского в Греции завалили, а ты собрался от «Гасана» в деревне укрыться... Это не спасет тебя "Сапер", и близких твоих не спасет... Выходов других нет у тебя. Пойми это и отбрось все сомнения! Нашему общему делу они только вредят...

– Пожалуй ты прав... – покорно кивнул Харламов и опустил свои грустные глаза.

– Надо решать, когда в школу пойдём, "Паук", – серьезным голосом сказал "Шмель", распластавший на скамейке свое тучное и вспотевшее от жары тело.

– А чего тут решать? Сегодня нужно идти... Нам ведь к брату твоему в любом случае в часть ехать к двум часам. Ну вот... К часу соберёмся около школы, на месте и сориентируемся, как лучше проникнуть внутрь. Попадём в школу, а дальше – дело техники. Кабинет ОБЖ, все знаете где. Вскроем дверь, отопрем шкаф, заберем стволы – и назад. А уже оттуда поедem за патронами...

– Отлично! – кивнул молчаливый обычно "Мамонт", и добавил: – Я могу помочь с сигаретами. У меня отец их покупает целую коробку на оптовом рынке, чтобы сэкономить. Если оттуда один блок пропадет, он даже и не заметит...

– Добро, – согласился "Паук".

– А я, пожалуй, достану самогон! – заявил Харламов, доставая сигарету из пачки.

– Нет уж... – отрезал Укрытцев с ухмылкой, – Знаю я ваш самогон! Отравишь ещё пацана... Это я беру на себя. Ты лучше харчей домашних дома набери.

– Хорошо, – согласился Сергей.

– Значит, соберемся в час ночи возле школы и там сориентируемся, – заключил "Паук", – Ты "Сапёр" тархтелку свою не бери, от неё слишком много шума... А "Юпак" твой за день вряд ли успеем починить... Я лучше сам за тобой заеду в назначенное время.

– Почему это вряд ли... – возмутился "Мамонт", – Нужно попробовать. Вы завезите нас в гараж "Сапёра", а сами дуйте к "Кощею" за запчастями. Пока вы ездите, мы все разберем. А когда вернетесь, как знать, может, всей толпой и управимся за день!

– Добро! – согласился "Паук". Харламову предложение Евгения тоже понравилось. Воодушевленный, он попрощался с "Битой", который сообщил, между прочим, что завтра его должны выписать, и, усевшись на свой мотороллер, поехал вместе со всеми в сторону гаражного массива.

Там он распахнул ворота, и с грохотом вывалив на бетонный пол гаечные ключи из старой запылённой кожаной сумки, оставил "Мамонта", "Шмеля" и "Филина" наедине с останками своего мотоцикла. Парни, не мешкая ни минуты, обступили "Иж" со всех сторон и, вооружившись инструментом, принялись за работу.

Чёрный мотоцикл Укрытцева, с увесистой коляской с правой стороны, медленно полз по вздымающейся на холм дороге к селу Куликово. За ним, не поспевая, громко тарахтел Харламов на своём старом маленьком мотороллере. Мимо, расстилаясь зеленым ковром, проплывали луга, окаймлённые зубчатым частокотом лесополос. Причудливым пятнистым узором по ним плыли большие мягкие тени от облаков. Они стали невольными спутниками двух друзей, мчавшихся к уже знакомому до последнего закоулка селу. Сердце сжималось в груди Сергея от тоски и воспоминаний. Воспоминаний о том, как колесил по этой дороге с Лагуткиной. Как ласково прижималась она сзади, охватив изящными руками его стан. О том, как лишь вчера, сжигаемый изнутри обидой и сомнениями мчался прочь от неё сломя голову.

По мере движения по Виноградской улице, чувства эти ощущались все острее. Душевная боль нарастала, словно жар от горящей спички, которая маленьким огоньком сгорает до основания, пока не обожжёт пальцы, держащие её. Вот уже вдали показался знакомый синий дом, и палисадник с большой берёзой. Проехав еще немного, Сергей смог разобрать и ту самую скамейку, на которой он предложил Алене встречаться, ставшую для него родной. И два маленьких неразборчивых девичьих силуэта сидевших на ней. Проехав еще небольшое расстояние, он смог разобрать и их лица, знакомые ему до боли.

Вершинина и Лагуткина сидели и грызли семечки, о чем-то в полголоса беседуя между собой. Сергей, проезжая мимо, невольно повернул голову в их сторону, не в силах оторвать своих глаз. В этот момент, как ему показалось, его внутренняя боль достигла своего пика. Горькая тоска отразилась на лице Сергея в эту секунду, и сердце готово было вырваться наружу от волнения.

Для Алены эта внезапная встреча так же была неожиданной. Увидев Сергея, она растерялась и остолбенела. Её правая рука так и замерла в воздухе с поднесённой к губам семечкой. Такую реакцию можно наблюдать у людей, которые сплетничали о человеке, и тут он внезапно вошел в помещение. Продолжать разговор при нем невозможно, а новая тема еще не придумана. Молча, строгим взглядом она проводила мотоциклистов до двора Кошевого, и продолжила с серьезным видом наблюдать за ними. Потеряв нить прерванной беседы, Наталья последовала её примеру.

Сергей заглушил мотор, и слез с мотороллера. Бросив печальный взгляд в сторону подружек, он взмахнул им рукой в знак приветствия. Лицо Лагуткиной в этот момент исказила злоба. Она бросила в его сторону последний презрительный взгляд и отвернулась к Вершининой. Алена настолько резко повернула свою голову, что всплеснула своими иссиня-чёрными густыми волосами. И не поприветствовав его, они возобновили свою негромкую беседу, которую время от времени Алена нарочно прерывала громким и фальшивым смехом.

В душе Сергея все сжалось... Он насупил брови и сморщил переносицу так, будто испытывал сильнейшую физическую боль. Наблюдавший за всем со стороны Укрытцев, вздохнув, подошел, положил ему на плечо свою руку и, по-отечески успокаивая, сказал:

– Ну, что ты брат нос повесил?

– Почему она так со мной? – обратив к Павлу мутный взгляд, полный непонимания и обиды, воскликнул Сергей.

– К чему теперь задавать такие вопросы, "Сапёр"? Ты ведь сам хотел покончить всё разом... Женщины жестоки и мстительны. Особенно, когда дело касается их разбитых сердец. Нужно было подумать об этом прежде, чем ставить точку в отношениях. А теперь ты получил те плоды, которые посеял сам...

Сергей вздохнул, и ещё раз взглянул на свою Аленку. Она была по-прежнему повернута спиной, а Вершинина не сводя с него своих ясных голубых глаз, что-то оживленно нашёптывала ей. Он горько сплюнул на траву, и вновь обратив свой взгляд к "Пауку", сказал:

– Ладно, некогда сопли размазывать... Пошли к "Кощею".

Просунув длинную худую руку через верх невысокой деревянной калитки, Сергей поднял ржавый металлический крючок, удерживающий её, и они с Павлом шагнули во двор. Из деревянной конуры рядом с калиткой послышалось суровое рычание, и показалась осклизшая лохматая голова дымчатой сторожевой собаки.

– Да, не серчай Бобик. Мы – хорошие, – весело крикнул ему Укрытцев, и, как ни странно собака успокоилась. Бобик вылез из конуры, лег рядом с ней, и, положив морду, на передние лапы добрыми глазами уставился на двоих чужаков, уверенно шагавших к веранде.

Дверь открыл сам "Кошей". Одет он был по-домашнему просто. В спортивные штаны и майку. Его овальное лицо вытянулось от удивления, когда он увидел у себя во дворе Сергея и Павла. Он зевнул и ступил босыми ногами на крыльцо.

– Здорово, парни. Чем обязан?

– Здоров, Толян. Мы по делу, – предприимчиво заявил Харламов, – У тебя запчастей не осталось от "Юпака"?

– Смотря, что вам нужно... Так, осталось кое-что из чермета по мелочи. Цветнину я всю в приемку сдал...

– Нужна рама, передняя вилка и бензобак, – сказал "Паук".

– Бак у меня купили, а все остальное можете забрать. Я, признаться, раму хотел на свалку увезти, но пока не нашел транспорт. Так и валяется на огороде. В общем, если заберете, делаете мне одолжение...

"Паук" с "Сапёром" радостно переглянулись, а Кошей поочерёдно опустил свои длинные худые ступни в старые калоши, стоявшие на крыльце, и повёл ребят на задний двор. Калоши были на пару размеров больше и болтались на ногах "Кошея" при каждом шаге. Вальяжной походкой, он в вразвалочку проводил ребят до огорода, расположенного за домом и, открыв ветхую калитку, указал правой рукой на раму своего погоревшего мотоцикла. Она причудливо громоздилась среди молодых картофельных кустиков, усыпанных красными точками колорадского жука. Вилка была закреплена на ней, а значит, можно было все унести за один раз.

– Вот, можете забирать, – резюмировал Кошей, – Только аккуратнее, не потопчите нам картошку...

Сергей обхватил руками две задних трубы рамы, торчащих, будто козы рога, а "Паук" взялся за перья передней вилки и таким образом друзья вынесли мотоциклетный остов со двора. Кошей все это время семенил впереди, хлюпая босыми ногами в резиновых калошах, подсказывал им путь и придерживал распахнутую калитку.

Погрузив раму в коляску, друзья обвязали её для надёжности тросом, поблагодарили "Кошея", и, простившись с ним, отправились в обратный путь. Отъезжая, Сергей бросил последний взгляд на Аленку, не зная доведется ли увидеть её снова. Она по-прежнему не смотрела в его сторону и о чем-то шепталась с Вершининой. Так и не увидел ее глаз напоследок. С тяжелым чувством возвращался он в гараж. Прежде он жил надеждой, что приведет свои дела в порядок, а там может и с Аленкой примирится. Теперь же он понял, что пропасть между ними растет. И даже при самом удачном разрешении тех проблем, которые обрушились на него, восстановить отношения с Лагуткиной будет непросто...

В гараже полным ходом кипела работа. Парни с серьезными и сосредоточенными лицами шустро орудовали гаечными ключами, оглашая гараж легким металлическим позвякиванием. С мотоцикла одна за другой исчезали детали, оголяя черные трубы искривленной и покореженной рамы. К моменту, когда Павел с Сергеем вернулись с привезённой из Куликово ношей, ребят в гараже было уже четверо. К ним присоединился проезжавший мимо «Друппи». Он как мог, помогал им. В основном относил и раскладывал на застланный газетами пол мелкие детали и болты. Серьезную работу доверять ему не стали.

Увидев подъехавших "Паука" и "Сапёра" Храмцов выскочил на улицу, и, сияя белозубой улыбкой, пожал руку обоим друзьям.

– Приехал вот помочь вам... А ты чего такой грустный Сергей?

Харламов в ответ лишь махнул рукой и, не говоря ни слова, принялся отвязывать трос, удерживающий привезённую раму. "Друппи" с недоумением посмотрел на Укрытцева.

– Не бери в голову, Лёха, – с улыбкой сказал Павел, – Любовные терзания. Будешь постарше – поймёшь... Пойдём-ка лучше движок поглядим!

Демонтированный двигатель лежал на полу. Из трещины, в алюминиевом корпусе, вытекло все масло, оставив на нём темные подтеки, на которые уже успела налипнуть пыль. Укрытцев склонился над ним, присев на корточки, и внимательно осмотрел его со всех сторон. Соображая что-то в уме, Павел откинул в рабочее положение заводной рычаг, и легким движением руки нажал его. Послышались приглушенные хлопки вытолкнутого поршнями воздуха.

– Совсем нет компрессии! – задумчиво подытожил "Паук".

– Мда... – согласился, заглядывающий через его плечо, "Друппи". Он стоял за его спиной, согнувшись под прямым углом, и с умным видом следил за действиями Павла. Помолчав с полминуты, Алексей добавил: – И где же мы её возьмём?

Серьёзное и сосредоточенное лицо Укрытцева расплылось в лукавой улыбке. Он встал, неспешно обошел весь гараж, внимательно заглядывая в каждый угол в поисках необходимой тары, и, увидев старое железное ведро, с грохотом подхватил его, и протянул Храмцову:

– А вот ты и займись этим! Пробегись по гаражам, поспрашивай у мужиков. Может, кто-то поделится... Компрессия – штука распространенная, попроси ведро наполнить доверху. Неоценимую помощь окажешь...

– Да тут ведра много... – с трудом сдерживая смех, включился в разговор "Мамонт", услышавший разговор, – На этот движок надо-то литра два...

– Да, ты прав. Хватит и двух литров... – улыбаясь и подавляя приступы смеха, согласился "Паук".

Не говоря больше ни слова, "Друппи" подхватил протянутое ему ведро, и, размахивая им вперед-назад, неспешно побрел вдоль ряда в сторону ближайшего открытого гаража. Когда он отошел на достаточное расстояние, парни, которые были внутри, приснули громким хохотом и один за другим высыпали наружу, понаблюдать: что будет дальше.

– Чего это вам так весело? – спросил исподлобья "Сапёр", вытаскивая раму из бокового прицепа, у Укрытцева, подоспевшего ему на помощь. Он не слышал их разговора с "Друппи", так как все это время провозился с тросом на улице и весь был погружен в свои невеселые мысли.

– Да вон рыжего за компрессией отправили... – ухмыльнулся Укрытцев.

– Как? Это же давление внутри двигателя... – удивился Харламов.

– Похоже, что "Друппи" этого не знает...

Они вдвоем занесли раму в гараж, и поставили её рядом с полуразобранном мотоциклом Сергея, а затем вернулись к остальным. Харламову тоже стало любопытно, чем закончится поход за компрессией. Он понемногу отвлекся от тоскливых измышлений и даже начал немного улыбаться.

"Друппи" прогулочным шагом добрал до первого распаханного гаража, окликнул хозяина и, показывая на ведро, что-то оживленно затараторил. Хозяин, здоровый мужик сурового вида в сером рабочем фартуке, вышел наружу, внимательно выслушал Храмцова, отирая руки от мазута какой-то серой тряпичей, и отрицательно закачал головой. Алексей вздохнул. Он сделал это так сильно и глубоко, что издали было видно, как приподнялись его щуплые плечи. Понурился, и продолжая размахивать старым дребезжащим ведром, он отправился к следующему гаражу.

Его хозяин оказался более отзывчивым. Маленький пожилой мужичок с глубокой залысиной и седыми волосами, в черной рабочей рубашке и старых поношенных джинсах, улыбаясь и хитро прищуриваясь, внимательно выслушал повествование "Друппи", после чего ни слова не говоря, выхватил ведро из его рук и скрылся с ним в своем гараже. Уже через пару минут счастливый Храмцов с самодовольной улыбкой что-то бережно нес в ведре в гараж "Сапера". А за его спиной из гаража вышел довольный старый мужик и с усмешкой показал толпе наблюдавших за всем парней большой палец правой руки. Он видимо обладал хорошим чувством юмора и по достоинству оценил эту старую шутку над своим неожиданным гостем.

"Компрессией", которую принес "Друппи" оказались 2 литра солярки. Понюхав содержимое ведра, Укрытцев громко расхохотался, и вскоре его смех потонул в зычном хохоте всех окружающих. Все искренне и от души залились безудержным смехом, и лишь сконфуженный Храмцов, недоумевая, вопросительно взглядывал на всех:

– Обманул он меня что ли? Не компрессию подсунул?

Павел, отсмеявшись, объяснил ему суть розыгрыша и потом еще долго подтрунивал над ним по этому поводу, а солярка им все-таки пригодилась. Она оказалась незаменима при промывке частей двигателя от почерневшего масла и выработки с изношенных деталей. Павел заботливо распотрошил мотор и внимательно сортировал каждую деталь, ополоснув ее в принесенной "Друппи" солярке. То, что нуждалось в замене, складывал в одну сторону, то, что было в хорошем состоянии – в другую. Детали приобретали яркий блеск, а солярка тем временем превращалась в черную грязную жижу.

Остальные в это время сгрудились над остовом мотоцикла. Сергей снял с бокового прицепа колесо, и закрепил его на передней вилке привезенной рамы. Переднее колесо, которое стояло на его мотоцикле, от удара сильно деформировалось, и пришло в негодность, поэтому переставлять его "Сапер" не стал. Затем ребята скрупулезно переместили на погоревшую раму электропроводку и все сопутствующие элементы. Очень быстро скелет мотоцикла начал обрывать "мясом" и приобретать свой привычный вид.

Укрытцев, закончив с разборкой двигателя, оценил необходимое количество запчастей, и отправился за ними в гараж. С мотором все оказалось не так плохо, как предполагал Харламов. В замене нуждалось лишь несколько распатанных подшипников, резиновые сальники, которые порвало от сильного удара и одна половина двигателя, в которой появилась трещина. Кроме того сердобольный "Паук" привез Сергею новый руль, приборную панель, переднюю фару и поворотники.

Крест, подаренный Алёнкой, со старой приборной панели Сергей отклеил и положил его в свой карман. Ему жалко было его выбрасывать вместе с разбитой приборной панелью, и он решил оставить его себе на память. В то же время на новую панель приклеить его он не решился. Во-первых, они расстались с Лагуткиной, и гордиться теперь ее подарками, выставляя их напоказ, уже не имело смысла. "Вряд ли она оценит это" – думал он после их сегодняшней встречи, и не хотел выглядеть в ее глазах посмешищем. Во-вторых, уверовав в глубине души в спасительную силу этого крестика, Сергей решил для себя, что он должен всегда находиться при нем и оберегать его, а не только тогда, когда он находится на мотоцикле. Кроме того, он твердо уяснил, что этот крест останется с ним при любом исходе, до самого конца. Не важно, возьмет ли он его с собой в тюрьму, или заберет в могилу, но частичка Алениного труда и ее души, которые она вложила в этот предмет, навсегда останется с ним.

Сборка мотоцикла продолжалась до вечера, и к удивлению Сергея, им почти все удалось успеть. Искореженные во время аварии детали были вывезены на свалку за гаражи, а восстановленный, но слегка потертый, мотоцикл Сергея стоял на центральной подставке, как ни в чем не бывало, на своем привычном месте. Лишь собранный двигатель с не прикрученными крышками лежал на полу, и ждал своего часа.

Харламов сидел за рулем и нажимал на педаль и рычаг переднего тормоза, проверяя натяжение тросов. Все его друзья, усталые, но довольные проделанной работой, обступив с двух сторон мотоцикл, смотрели на Харламова и его воскресающий "Иж".

– Когда будем заводить его, Паш? – обтирая ветошью грязные и разбитые руки, поинтересовался Сергей.

– Через сутки. Раньше не желательно, если хочешь, чтоб он долго служил тебе верой и правдой. Завтра к вечеру герметик подсохнет, зальем масло, установим движок и попробуем запустить...

– Так, а как же ехать за стволами тогда? – удивился Сергей.

– Я подъеду к твоему дому без десяти час. Постарайся не опаздывать. А теперь давайте разъезжаться, а то у меня от голода уже желудок к позвоночнику прилип.

ГЛАВА 6

Оставшись один, Сергей, словно в густой трясине, увяз в своих тяжелых размышлениях. Он почти не разговаривал со своими родителями за последние сутки и не выходил из комнаты после ужина. Он был напряжен и угрюм, даже не смотря на практически законченный ремонт мотоцикла. Его душила тоска по Алёнке и обида от сегодняшней встречи с ней. Но еще сильнее были переживания о приближающемся вечернем мероприятии. Грядущей ночью Харламову предстояло ступить на скользкую дорожку, возврата с которой уже не будет. То, что они затеяли с "Пауком" было серьезным преступлением, за которое всем им грозил реальный тюремный срок. Все что Сергей делал прежде (драки, погони с милицией и нарушение ПДД) было лишь детской шалостью. Ему сегодня предстояло переступить черту, шагнуть в беззаконие, против которого он всегда восставал, и поступиться принципами, в которые он свято верил. Но выбор был сделан им, и отыграть назад уже ничего нельзя, поэтому Сергею лишь оставалось покорно ждать своей участи.

Солнце провалилось за горизонт на западе и унесло с собой остатки света и изнуряющей жары. В комнате стало темно и из распахнутого окна повеяло вечерней прохладой. Сестра тихонько сопела на втором ярусе кровати над ним, и, по всей видимости, уже давно видела сны. Из-за двери долго слышалась возня. Родители не спали. Но вскоре усталость, накопленная за рабочую неделю, сморила и их. Все стихло. Сергей долго лежал в полночной тишине, отдавшись своим мыслям, пока к реальности его не вернул мерный стук оппозитного двигателя за окном. Он нарастал издалека и Харламов понял, что это мотоцикл "Паука", и ему пора собираться. Стянув с себя легкое махровое одеяло, "Сапер" беззвучно оделся и кошкой прошмыгнул на кухню мимо спящих родителей. Он распахнул шкафчик под раковиной, и нащупал в темноте край пакета, в который во время ужина украдкой сложил еду. Стараясь не шуршать целлофаном, Сергей скатал его в плотный свёрток, и, сунув под мышку, прокрался в коридор. Наощупь обув ботинки, "Сапер" аккуратно открыл дверной замок и очень медленно, чтобы не скрипнули петли, распахнул дверь своей квартиры.

В мерцающем электрическом свете подъездной лампы кое-как попал дрожащим ключом в замок, и тихо закрыв его, охваченный волнением, спустился во двор. Улицу сковала ночная прохлада, и ветер трепал разлапистые ветви деревьев. В глухой тиши раздавался мерный приглушенный звук работы мотоциклетного двигателя на холостом ходу. Сергей поспешил к источнику звука, и обнаружил за домом Укрытцева, сидящего на заведенном мотоцикле. Лицо его было напряжено и сосредоточено. Во тьме ярко выделялся свет двух противотуманных фар и слегка блестел глянecь черной краски его "Днепра".

– Что-то ты долго... – недовольно причмокнул "Паук", – Харчи не забыл?

– Вот они, – взмахнув пакетом, ответил Харламов, – родители не спали долго, еле удалось выскользнуть...

– Ладно, падай скорее. Остальные нас уже ждали...

Сергей, звякнув стеклом домашних банок, уложил пакет в боковой прицеп, и устроился в седле позади Укрытцева. Павел вложил в него две бутылки самогона и, взявшись руками за руль, слегка повернул гашетку газа. Мотоцикл прибавил обороты и, выплунув из выхлопных труб облако сизого дыма, растворился во мгле спящего полночного двора.

Сергей за ужином долго размышлял, что собрать из еды для Никифорова – старшего. А потом рассудил так: в армии питание довольно скудное и солдатам приходится есть всякую гадость, а значит, Никифоров будет рад любой даже самой простой еде. Осознав это, Харламов решил не изгаляться, и наложил в пакет все, чем обычно питалась его семья. Он набрал в двухлитровую банку пельменей из кастрюли вместе с бульоном, завернул в целлофан несколько отварных картофелин и яиц, приготовленных матерью для крошки. Сунул туда запечатанную

полуторалитровую банку с солеными огурцами и помидорами, палку колбасы и полкило сосисок. Сверху обильно присыпал все яблоками. Больше в пакет ничего не уместилось.

За школой в кромешной мгле, под крышей беседки из которой впервые Сергей увидел Лагуткину, мелькали человеческие силуэты и яркие огоньки сигарет. Иногда редкие порывы ветра срывали с них одинокие искры и уносили вглубь школьного двора, где искры быстро затухали, растворяясь в темноте не освещенного сквера. Тишину внезапно нарушил рокот двигателя. К воротам снаружи подкатил черный мотоцикл, разрезав тьму лучами своих фар, и вскоре все стихло. Через забор ловко переметнулись две молодецких фигуры и, воровато озираясь по сторонам, пересекли школьный сквер и присоединились к курящим в беседке.

– Что-то вы долго... – обиженно промычал "Мамонт", втягивая в себя табачный дым, – Мы уже хотели начинать без вас...

– Ну, теперь все, кроме "Биты" в сборе, пожалуй, можно и начинать... – заключил "Паук", прихвативший с собой большую спортивную сумку, и толпа из пяти человек высыпала из беседки наружу.

Сгрудившись в небольшую тесную кучку, парни тихо повернули за угол школы, пытаясь найти способ проникнуть внутрь. Во всех окнах был потушен свет, кроме холла на первом этаже, где на вахте сидела бойкая старушка с газетой в руках и пила горячий чай. Через окно было отчетливо видно, как она, возмущенная написанным, поминутно чертыхается и качает головой. Надежды "Паука" на то, что вахтерша будет спать, к сожалению, не оправдались, а пройти через главный вход и проскочить мимо неё, было не возможно.

– Да, плохо дело... – задумчиво полушепотом пробормотал "Паук", – через парадный не пройти...

– И что теперь делать? – сведя брови на страдальческом лице, спросил из темноты "Филин".

– А может?... – с надеждой предложил кровожадный "Мамонт", и провел указательным пальцем невидимую линию у своего горла.

– Нет! Ты что офонарел? – изумился "Паук" переходя от возмущения с шепота на обычный голос, – Должен быть другой путь. Нужно осмотреть здание...

Потоптавшись немного, Укрытцев скрылся за раскидистым кустом снежника, увлекая за собой ватагу огорченных парней. В ночной тиши лишь хрустели ветки под их ногами, и слышался монотонный комариный писк. Друзья шли вдоль школьных стен, внимательно осматривая окна, в надежде найти лазейку. Во время зноя, многие учреждения оставляют на ночь распахнутыми форточки и окна, и школы – отнюдь не исключение. Такая вещь, как кондиционер, в начале нулевых, была еще недоступна для подобных сооружений. Особенно в глубинке.

Друзья прошли два кабинета начальных классов, класс русского языка и истории, но, к сожалению, все окна в них были наглухо запечатаны. Казалось здание уже законсервировано до начала учебного года, хотя в школе еще шли консультации и экзамены старшеклассников. Холодные глянцевые стёкла непреодолимой преградой отделяли друзей от их цели. Цель была так близка и в то же время недостижима.

Все были озадачены этой проблемой, но сильнее всех был огорчен Женья Войнов, прозванный "Мамонтом" за высокий рост и богатырское телосложение. Это был неразговорчивый и замкнутый в себе человек, который обладал недюжинной физической силой. Он жил на окраине поселка, рядом с "Шанхаем" в одноэтажном сельском доме. Женья в раннем детстве потерял отца, и детство его вскоре закончилось. Оставшись единственным мужчиной в доме, понемногу окрепнув, он принял на себя все тяжелые мужские обязанности по хозяйству, и был единственной опорой для больной матери, которая вот уже год вела не равную борьбу с онкологией. От "Мамонта" проводившего много времени в хлопотах по хозяйству, постоянно пахло соломой с легкой примесью навоза. Нередко небольшие соломины застревали в его длинных черных волосах, и он приходил с ними в школу. Но никто никогда не смеялся и не подшучивал

над ним. Сверстники боялись Евгения, за его буйный нрав и богатырскую силу. Войнов был рабом своей физической силы. Он все свободное время, которого из-за забот по дому итак почти не оставалось, проводил в спортивной секции. У него под кроватью стояли две двухпудовых гири, и он упивался своей силой и гордился ей. Он демонстрировал ее при любом удобном случае и все споры и конфликты привык решать кулаками. Со временем от этого он стал черствым и жестоким человеком.

– Не пойму, что мы пляшем тут вокруг да около... – с раздражением пробормотал на ходу "Мамонт" и ударил могучим кулаком по левой ладони, – Шарахнуть кирпичом в окно и всего делов... Пока эта бабка доковыляет до нас, мы тут уже полшколы вынесем...

– Не кипятись, дружище... – вполголоса успокаивал Павел, – Ты что-то нервный сегодня какой-то. Шарахнуть кирпичом – дело не хитрое. Если не получится иначе, так и сделаем... Наша задача оставить минимум следов, поэтому вариант этот для нас не самый удачный. Сами себе можем на хвост наступить... Хорошо, если бабка сама пойдет проверять... А если она ментов сразу вызовет, ты подумал? Лишний риск нам сейчас совсем ни к чему...

Раздосадованный "Мамонт" в ответ лишь раздраженно плюнул в сторону. А ночная компания тем временем приблизилась к последним окнам в западном крыле. Школьное здание оканчивалось двумя узкими, покрашенными до середины белой краской окнами, отделенными друг от друга двухметровым промежутком кирпичной стены. В предпоследнем окне была распахнута форточка.

– Вот! – указав на неё, многозначительно воскликнул "Паук" и, по-отечески похлопав "Мамонта" по могучему плечу, добавил: – А ты хотел стёкла бить...

Войнов пристально посмотрел туда, куда ему указывал Павел, и, скривив всегда угрюмое, неживое лицо в насмешливую гримасу, с ухмылкой ответил:

– Ты действительно рассчитываешь пролезть сквозь это игольное ушко?

Укрытцев задумался, и пристально вглядываясь, в освещённую приглушенным лунным светом форточку стал что-то прикидывать в уме. Форточка действительно казалась маловата.

– Ты прав, Женек. Мы не пролезем через неё. Надо подсадить кого-нибудь из нас с длинными руками, может, получится хотя бы дотянуться до шпингалета и открыть окно... – он помолчал немного, и чуть слышно добавил: – Жаль "Друппи" нет... Его тощая задница аккуратно бы просочилась сквозь этот проем...

В толпе послышался какой-то шорох, возня, после которой из темноты раздался возмущённый голос рыжего мальчугана:

– Как это "нет"? Я – здесь!

Ночная тишина сотряслась от всеобщего хохота, который не остановила даже опасность быть пойманными на месте преступления. Оказывается, "Друппи" уже минут 20 был среди них никем не замеченный. Он улизнул из дома, проскользнув мимо забывшейся пьяным сном матери, и пешком пришёл туда, где договорились собраться его друзья. Из-за маленького роста в окутанной темнотой толпе его никто не видел.

– Лёгко на помине! – воскликнул Укрытцев, одевая на руки осенние кожаные перчатки. Он, как на спасателя, смотрел на еле освещённый силуэт Храмцова, вышедшего из тени. Одетый в серую толстовку с логотипом известной фирмы, и в чёрные спортивные штаны, Алексей торжествовал. Он был несказанно рад, что его старшие друзья вспомнили о нем, и он сможет принести им пользу.

Не теряя времени, парни начали действовать. Войнов, будучи самым высокорослым из всех, подхватил "Друппи" за бёдра, и, с легкостью оторвав его от земли, поставил на оконный карниз. Храмцов проворно просунул рыжую голову и обе худощавых руки в распахнутую форточку, и, уцепившись узловатыми пальцами за внутреннюю стену помещения, начал проворно втягивать внутрь свое легкое, гибкое, как у змеи, туловище. Он быстро и легко пролез внутрь

до самого пояса, пока не уперся костями таза в деревянную раму окна. При этом он был уже наполовину внутри, и мог вытянутыми руками достать до подоконника.

"Давай, «Друппи»! Давай" – тихо подбадривали его друзья снаружи. Он видел их сосредоточенные лица через стекло, полные надежды и волнения. "Если не сможешь весь перелезть, попробуй хотя бы дотянуться до шпингалетов" – сказал ему "Сапёр". Но "Друппи" смог.

Скорчив от боли свое детское лицо, он протиснулся внутрь, сдирая в кровь кожу на поясице, и рухнул на пол, скрывшись за широким подоконником. Парни лишь видели, как быстро нырнули в форточку его тонкие ноги, обутые в белые кроссовки. Упав навзничь, он больно стукнул плечо об вымощенный кафелем пол, но, не теряя времени, встал и осмотрелся вокруг. Помещением, в которое он попал, оказался туалет, и, по всей видимости, женский. Так как во всех мужских школьных туалетах он бывал, а этот показался ему не знакомым.

Храмцов отряхнул плечо, потер оцарапанное бедро, и с ногами залез на подоконник. Вцепившись костлявыми пальцами в рычажок оконной задвижки, "Друппи" начал борьбу с неподатливым оконным механизмом, который за долгие годы оброс несколькими слоями краски, и стал открываться с большим усилием. Друзья снаружи слышали 4 звонких металлических щелчка, после чего одна из оконных створок распахнулась, освободив им путь в школу.

Через отворённое окно в школьный туалет один за другим начали перемещаться новоиспеченные грабители. Сначала "Паук", затем – "Мамонт" одним скачком, как заправские легкоатлеты, решительно вскочил с цоколя прямо на подоконник, затем тучный "Шмель" взволнованный и раскрасневшийся от непривычной нагрузки повис на окне и был втащен за руки внутрь Павлом и Евгением. Щуплый и осунувшийся "Филин" тоже взобрался не без посторонней помощи. Ему тяжело было из-за маленького роста, и он долго подтягивался на карниз руками и пыхтел, пока сзади его не посадил "Сапёр".

Харламов долго мешкал. Он полез в школу последним. Он на короткое время замер у школьной стены, глядя на этот обычный, облупившийся карниз. Для него этот короткий не сложный шаг был больше и тяжелее, чем для всех остальных. Там за окном он очертил себе невидимую линию, отделявшую его от беззакония. Линию, возврата из-за которой уже не будет...

– Ну, ты чего замер? Тебя одного ждем! – нахмурившись, негодовал Павел, глядя на Сергея сверху. Сергей вздохнул и уцепился худыми длинными пальцами за оконную раму. Блестящие начищенные ботинки шаркнули по краю цоколя, и Харламов вскочил внутрь к своим друзьям, ожидавшим его за окном школьного туалета.

Он соскочил с подоконника на пол, притворил за собой окно, и оглядевшись по сторонам, оценил обстановку и понял, почему именно здесь была открыта форточка. В помещении туалета стоял омерзительный запах испражнений. Вонь была настолько сильной, что казалось, будто она осязаемыми парами наполняла все вокруг и липла к одежде и открытым участкам кожи. В разогретом за день и пропитанном вонью воздухе роились мухи. Их было не счесть. Они были огромными, и в ночной тиши отчётливо раздавался жужжащий звук их крылышек, и стук от врезающихся в стекло насекомых. Некоторые самые наглые мухи садились на руки и даже на лицо. Сергея передергивало от отвращения каждый раз, когда их мохнатые лапки щекотали его кожу. Он спешил смахнуть с себя назойливых насекомых и поскорее покинуть это отвратительное место. Схожее чувство читалось в перекошенных отвращением лицах его друзей. Все они в полумраке молча переглянулись друг с другом и, не сговариваясь, двинулись к двери.

Туалет условно состоял из двух помещений. Друзья стояли посреди небольшой комнаты с тремя низкими туалетными кабинками. Из этого помещения дверная арка вела в небольшой узкий коридор с двумя рукомойниками, за которыми располагалась дверь, ведущая в школьную рекреацию.

Ближе всех к выходу стоял "Мамонт". Его мощная фигура протиснулась сквозь дверной проем, и в сопровождении остальных пересекла коридор с умывальниками. Евгений осторожно отворил скрипучую дверь и с опаской выглянул из-за двери в темную школьную рекреацию. В этот момент на потолке одна за другой заморгали люминесцентные лампы, осветив просторное помещение и из-за угла на деревянном полу начала расти длинная тень.

Войнов от неожиданности резко присел, дернул дверь на себя, и, оставив в проеме узкую щель, продолжил смотреть сквозь нее в рекреацию. Остальные застыли в напряжении и не сводили глаз с "Мамонта", готовые в любую минуту броситься к окну.

– Бабка-вахтёрша! – с досадой прошептал Войнов, прильнувший лицом к дверному косяку, – Похоже, услышала что-то, стерва старая... Прямо сюда кандыляет...

– Что будем делать, "Паук"? – взволнованно спросил "Шмель".

– Валить надо, пока не поздно... – ответил за него охваченный страхом "Сапёр".

– Нет, валить нельзя, – отрезал "Паук", – Если бабка догадается закрыть окно, попасть сюда нам будет еще сложнее. Я не думаю, что она что-то слышала. Она глухая, как тетерев. Мы ее зимой раздевалку по три раза просим открыть, она не слышит... Скорее всего, просто обходит территорию. Нужно спрятаться!

– Да где тут спрячешься, "Паук"? – возмутился "Мамонт" – Может всё-таки?.. – с этими словами он повторил жест указательным пальцем у собственного горла.

Тем временем всеобщая неотвратимая угроза в лице пожилой вахтёрши неумолимо приближалась. Старая больная женщина, перенесшая в прошлом паралич, и оттого никогда не поворачивающая шеи и с трудом отрывавшая ноги от пола, шаркая по вытертому линолеуму своими шлепанцами, со скоростью черепахи приближалась к туалетной двери. Сквозь узкие очки, надетые на кончик носа, воспаленными поблекшими голубыми глазами она смотрела прямо перед собой, и даже не догадывалась, какая опасность ждала ее за этой дверью.

Узкую полоску света под туалетной дверью рассекли 2 тени от ее ног, и дверь медленно отворилась, наполнив коридор светом из рекреации. В этот момент, сидевший в углу под чугунным умывальником Харламов, от страха вжался в угол стены и заслонил глаза ладонями, а "Друппи" от волнения чуть тихо икнул. "Паук" сидевший вповалку рядом с ним заслонил ему рот ладонью, продолжая сохранять ледяное спокойствие. Все шесть человек удивительно компактно забились под 2 эмалированных раковины из-под которых с ужасом наблюдали за вахтёршей, не спеша включившей в туалете свет и медленно шаркавшей мимо них по выдавшему виду кафелю. Коридор был узок, и с высоты человеческого роста их было не заметно под широкими квадратными рукомойниками, тем более для близорукого пожилого человека.

Вскоре за тем, как шарканье обуви стихло за туалетной перегородкой, оттуда послышались громкие булькающие и подобные треску звуки опорожняемого кишечника, и отвратительный запах, мучивший всю компанию, многократно усилился. Не желая более испытывать судьбу, перепуганные парни, зажимая нос рукой, один за другим вынырнули из-под раковины и скрылись из туалета через приоткрытую дверь.

Беззвучно ступая быстрым шагом и жадно глотая на ходу свежий воздух, ребята поспешили поскорее покинуть рекреацию, опасаясь, что облегчившаяся вахтёрша выйдет и застукает всех разом. Но опасения были напрасными, вахтёрша накануне поужинала несвежей манной кашей и теперь надолго заняла туалет.

Не оборачиваясь и не сбавляя темпа, друзья добрались до лестничного марша. Лишь здесь "Паук" усмехнулся и, сбавив шаг, тихонько сказал, обращаясь к Войнову:

– Я ж говорил тебе, что она глухая! А ты слышала, слышала... К душегубству нас еще склонял ("Паук" с сарказмом повторил жест "Мамонта")... Бабке и так не по себе, дерьмо еле до унитаза донесла, а ты еще ее на тот свет чуть преждевременно не отправил...

– Раскольников, не иначе... – ухмыльнулся Харламов.

– Да ты тоже хорош, "Сапер". Очканул не по-детски, видимо... Так дрожал, что я аж чуть из-под раковины не вывалился от вибрации...

– Да ничего я не очканул... – на ходу оправдывался Сергей, скрывая в полумраке пустых школьных коридоров багрянец, выступивший на его смуглых щеках.

Ватага остановилась напротив одной ничем не примечательной двери, которых вдоль всего пролета был, пожалуй, не один десяток. В темноте загорелся карманный фонарик, освещив круглым лучом табличку на белом дверном полотне, лаконичная надпись на которой подтверждала, что за дверью – кабинет ОБЖ. Затем луч осветил зажмурившегося от света и оскалившего свой золотой зуб Укрытцева, склонившегося у двери и неожиданно выхватившего из голенища одного из своих берцов нож-бабочку. Нож запорхал в руке Павла, несколько раз сверкнув стальным лезвием в свете карманного фонаря. Затем, подчиняясь крепкой руке Укрытцева, нож вонзился в деревянный косяк, на уровне дверного замка. С хрустом расщепилась древесина под нажимом "Паука", один раз, второй третий... И вот уже в образовавшейся расщелине дверного косяка показался стальной язычок замка, который более уже не удерживал дверь в закрытом положении.

Павел резко дернул дверь, и она без труда отварилась. Вся компания переместилась внутрь. Луч фонарика судорожно заметался по всему кабинету, очерчивая во мгле, то контуры школьных парт, с поднятыми на них стульями, то стеклянные витрины, под которыми размещались разрезанные вдоль и поперек противогазы и гранаты, то озабоченные и суровые лица парней, озиравшихся по сторонам.

Наконец фонарь, зажатый в дрожащей руке Храмцова, скользнул своим лучом по ошарашенному от происходящего и покрытому мелкими капельками пота лицу "Сапёра" и упёрся прямо в рабочий стол Чеботарского, ярко осветив его со всех сторон. Укрытцев пробрался к столу, отдернул верхний ящик и начал рыться в нем в поисках ключа. "Друппи" подошел ближе и направил свет фонаря в ящик.

– Кажется этот! – самодовольно воскликнул Укрытцев, вытащив из ящика в руке, облаченной в кожаную перчатку, продолговатый хромированный ключ с двумя плоскими гребешками по бокам, – Сейчас проверим...

Чёрной тенью метнулся он к шкафу, следом – за ним "Друппи" освещавший ему путь, а затем уже остальные парни, сбившиеся в нестройную толпу, обступили "Паука" колдовавшего у шкафа с ключом, и принялись с любопытством наблюдать за происходящим в кабинете.

– Есть! – громко воскликнул "Паук", едва удержавшись, чтоб не закричать от восторга. Лицо его просияло, как у человека сорвавшего Джек пот в крупной лотерее. Замок щёлкнул, и дверцы шкафа запахнулись. Храмцов осветил его содержимое: внутри несгораемого шкафа на плечиках висели резиновые плащи ОЗК, а под ними на дне в обычной картонной коробке, ошестинившись вверх воронеными стволами, стояли на прикладах автоматы АК-47. Их было штук 10, а может и 20. Точно никто не считал.

Расстегнув молнию на большой спортивной сумке, которую все это время Укрытцев носил на плече, "Мамонт" с "Пауком" энергично стали перекладывать в неё оружие. "Сапер" смотрел на их сосредоточенные лица в колеблющемся свете фонаря и ловил себя на мысли, что делают они это с какой-то странной обыденностью в глазах. Лица их имели такое выражение, будто они заняты каким-то рутинным занятием, которое повторяют изо дня в день. С такими же лицами, они наверняка укладывали в рюкзак учебники и тетради.

Отсчитав 6 автоматов, Павел застегнул сумку, закинул ее на плечо и закрыл шкаф. Свет фонаря погас, и окрыленная успехом банда, высыпала из кабинета в темный коридор. Выбегали из школы также через окно туалета, но туалет для этого выбрали в противоположном крыле. В рекреации, через которую они попали в школу, по-прежнему горел свет, и, опасаясь, что вахтерша все еще там, друзья решили не рисковать...

ГЛАВА 7

Путь к брату Никифорова пролегал по неосвещённой гравийке. Мотоциклы, выстроившись в небольшую колонну, неспешно ползли по ней, поднимая в полумраке облако белой пыли. "Сапёр" сидел за спиной Павла, слезящимися от ветра глазами всматриваясь в силуэт "Шмеля" ехавшего впереди них. Близорукие глаза в сумерках часто его подводили, но не разглядеть широкую тучную спину Никифорова, ярко освещаемую фарами "Днепра", было невозможно. Справа, в боковом прицепе, ёжась от холода, сидел "Друппи". На его коленях позвякивая сталью на кочках, лежала черная спортивная сумка с автоматами. Он пришел к школе пешком, и отказался уходить домой, когда дело было сделано. Пришлось взять его с собой.

Ночь магической черной вуалью укрывала все вокруг. Бескрайнее звездное небо простиралось над головами. Разлапистые ветви вековых елей тянулись навстречу отчаянным путникам со всех сторон из окружившего дорогу тёмного хвойного леса. Воздух был наполнен свежестью и дурманящим запахом сосновой смолы.

Сергей никогда так поздно не был на улице с друзьями, и его пьянило чувство свободы и нереальности всего, что происходило с ним в эту минуту. Все было будто во сне. Кража оружия, и эта поездка через ночной лес. Все это будто привиделось ему, и, казалось, что через мгновение он откроет глаза, и окажется на своей двухъярусной кровати и заботливый голос мамы из кухни через всю квартиру позовет его завтракать. Но сон всё не кончался, и приходилось мириться с мыслью, что это – вовсе не сон...

В мутном белом облаке пыли, окутавшем мотоцикл Никифорова, ярко загорелся рубиновый свет стоп сигнала. Его стальной конь, как вкопанный, резко остановился посреди дороги, а следом за ним затормозил Укрытцев и все остальные.

– Ты чего встал, полосатый? Мы ж ещё не доехали... Не сломалось ли чего? – участливо поинтересовался "Паук".

– Нет. Брат просил вплотную не подъезжать... Дежурный может "спалить". Дальше придётся идти пешком... – пояснил Михаил, толкая свой мотоцикл в сторону обочины.

Остальные последовали его примеру. Укрыв свой транспорт в густых хвойных зарослях у дороги, друзья погасили фары, и, освещая себе путь карманным фонарем, двинулись пешком через лес, туда, где виднелись огни фонарей с территории воинской части. Пробираясь сквозь густые заросли травы и коряги, друзья старались не шуметь, и не привлекать внимания. Лесную тишину нарушал лишь шорох прошлогодних листьев и хруст веток под их ногами. Внезапно, где-то вдалеке раздались звуки кукушки и что-то большое и живое резко выскочило из травы встряхнув нависавшие сверху хвойные ветви, и, рассекая воздух, быстро пролетело где-то совсем рядом, быть может, в метре от наших ночных странников. Что это за зверь или птица, никто не смог разобрать в темноте, но идти дальше стало немного страшновато.

– Слушай, Миш, а тут змеи есть? – не громко обращаясь к "Шмелю", забеспокоился "Друппи", – Я этих гадов с детства боюсь... Мы не наступим случайно на одну из них?

– Да они спят давно, не беспокойся... – успокаивал Никифоров...

– Пацаны, хорош базарить там! – одёрнул их голос Укрытцева, идущего первым с фонарем в руках.

Из-за деревьев показались очертания бетонного забора и собаки внутри, почуяв чужаков захлёбываясь и, перебивая друг-друга, подняли громкий лай. Соблюдая предельную осторожность, Укрытцев погасил фонарь. По верхушкам елей скользнул ледяной луч прожектора с вышки часового. Друзья, опасаясь быть замеченными, прижались к стволам ближайших сосен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.